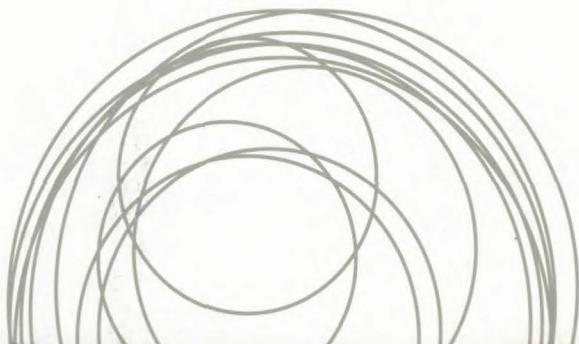

Серия Minima

Ги Дебор

Психогеография

25

Содержание

Предисловие (А. Шестаков) 5	
Введение в критику городской географии 11	
Теория дрейфа 20	
Два отчета о дрейфах 31	
Положение континента Контрэскарп 41	
О случае 50	
Отчет о конструировании ситуаций и об условиях организации и деятельности интернациональной ситуационистской фракции 51	
Предисловие к книге, задуманной Ральфом Рамни 88	
Венеция победила Ральфа Рамни 95	
Экология, психогеография и преобразование человеческой среды 97	
Ситуационистские тезисы о дорожном движении 107	

Ги Дебор

Психогеография

25

УДК 316.334.56:316.6

ББК 60.021+88.52+60.522.14

Д25

Данное издание осуществлено
в рамках совместной издательской программы
Музея современного искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

GARAGE

*Ad***M***arginem*

Перевод — Александра Соколинская
Редактор — Алексей Шестаков
Оформление серии — ABCdesign

Д25

Дебор, Ги-Эрнест

Психогеография / Ги Дебор. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. —
112 с.: ил. — (Minima; 25). — ISBN 978-5-91103-345-3

Œuvres, Guy Debord © Alice Debord et les éditions GALLIMARD,
Paris, 2006

© Александра Соколинская, перевод, 2017

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2017

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2017

Французский писатель, кинорежиссер и политический активист Ги-Эрнест Дебор (1931–1994) признается ныне одним из наиболее значительных представителей эстетической мысли второй половины XX века. Самая известная его работа — «Общество спектакля» (1967) — имеет во многом определяющее значение для всей художественной теории и практики последующего времени. В этой книге собрано несколько ключевых текстов Дебора «психогеографического» периода, когда в 1950-е годы он и его товарищи по революционному авангарду — сначала по Леттристскому, а затем по Ситуационистскому интернационалу — проектировали переустройство мира путем активного вмешательства в среду города как эпицентра развития современной цивилизации, где раньше и ярче всего проявляются ее изменения. Основанный на строгой марксистской программе, проект Дебора вместе с тем — одним из первых — исходит из осознания колоссального (и в целом позитивного) прогресса, достигнутого к середине XX века индустриальным капитализмом в производстве вообще и в городском производстве — в максимально широком его понимании, включающем производство повседневности, досуга и т. д. — особенно. Нерв его текстов этого периода составляет необходимость перехватить у господствующего класса инициативу в освоении и использовании всего стремительно расширяющегося спектра новых технических возможностей. Дебор проектирует «унитарный урбанизм» — градостроительство, способное направить

эти вновь появляющиеся возможности на удовлетворение столь же новых желаний людей, которые, чтобы удержать людей в подчиненном положении, стремится всячески заглушить, подменить старыми желаниями, буржуазная эстетика. Именно эта эстетика во всей ее совокупности, охватывающей почти все современное Дебору искусство, в том числе модернистское, является главной мишенью его уничтожающей критики. Напротив, в области урбанизма (впрочем, в данном случае не менее уместно было бы использовать традиционный русский термин «градостроительство») Дебор вместе с единомышленниками разрабатывает сугубо позитивную, радикализирующую поиски современной ему архитектуры программу, которая остается поразительно актуальной и сегодня. Ее основные термины пронизаны духом дематериализации: это *психогеография* — переосмысление общего представления о городе исходя из того, что его составляют принципиально временные, изменчивые, перетекающие друг в друга *атмосферы*, порождаемые взаимодействием всех элементов городской среды и чувств живущих в ней людей; *дрейф* — практика обнаружения этих атмосфер, прокладки новых маршрутов по воле чувств и желаний дрейфующих, а также фиксации этих маршрутов в новой *картографии*; конструирование или строительство *ситуаций* (Дебор учитывает оба значения этого слова: местоположение и стечение обстоятельств) — временных и изменчивых, подобно атмосферам, но гораздо более емких, чем прежде,

зданий новой архитектуры, возводимых из столь же новых материалов — желаний и чувств. Наиболее последовательно эта программа изложена в «Отчете о конструировании ситуаций...» (1957), который послужил манифестом образованного в том же году Ситуационистского интернационала.

Все тексты, вошедшие в сборник, впервые публикуются в полном русском переводе, сделанном по собранию сочинений Дебора. Одни из них выходили на страницах авангардных журналов 1950-х годов — *Les Lèvres nues* («Голые губы»), *Internationale situationniste* («Ситуационистский интернационал»), — другие были опубликованы впервые уже после смерти автора.

Алексей Шестаков

Психогеография

Введение в критику городской географии*

Во множестве занятий, которым мы заинтересованно или индифферентно предаемся, для нас есть лишь одна по-настоящему увлекательная сторона: это поиск зацепок для нового образа жизни. Какие-либо науки — эстетические или иные — быстро обнаруживают здесь свою бесполезность, поэтому их стоит без сожаления отбросить и заново очертить временные зоны наблюдения — в том числе наблюдения за некоторыми случайными и закономерными процессами на улице.

Для этого неплохо подходит слово «психогеография», предложенное одним необразованным кабилем** для обозначения совокупности явлений, которыми наша небольшая группа заинтересовалась приблизительно летом 1953 года. Оно не расходится с материалистическим учением, согласно которому жизнь и мышление обусловлены объективной реальностью. Если география описывает определяющее воздействие всеобщих природных сил — таких

* Первая публикация — журнал *Les Lèvres nues*, № 6, сентябрь 1955. — *Здесь и далее под знаком *, если не указано иное, даются примечания редакторов собрания сочинений Ги Дебора (Debord G. Œuvres / Édition établie et annotée par Jean-Louis Rançon et Alice Debord; préface et introductions de Vincent Kaufmann. Paris: Gallimard, 2006) и переводчика.*

** Кабилы — народ берберской группы, живущий в северной части Алжира.

как состав почвы или климат — на экономические формации общества и тем самым на его представление о мире, то *психогеография* может взяться за изучение законов географической среды, сознательно организованной или нет, и ее непосредственного воздействия на аффективное поведение индивидов. Прилагательное «психогеографический», сохраняя приятную размытость, может характеризовать и данные, собранные в процессе такого рода исследований, и их влияние на человеческие чувства, и даже вообще любую ситуацию или деятельность, которая продиктована страстью к открытиям в этой области.

Издавна считается, что пустыня монотеистична. Не будет ли логичным и интересным допустить, что парижский квартал, простирающийся между площадью Контрэскарп и улицей Арбалет, располагает скорее к атеизму, забвению и расстройству привычных рефлексов?

Говорить об «утилитаризме» следует в исторической перспективе. В основе плана облагораживания города, предпринятого в период Второй империи, лежала потребность в свободной территории для быстрой переброски войск и применения артиллерии в случае массовых волнений. Однако со всех иных точек зрения, за исключением полицейской, Париж барона Османа — это город, построенный идиотом, шумный, бешеный и бессмысленный. Сегодня главная задача, которую решают градостроители, заключается в том, чтобы облегчить передвижение быстро растущего числа автомобилей. Ничто

не запрещает предположить, что урбанизация будущего будет направлена на столь же утилитарные цели, чем дальше, тем больше учитывающие психогеографию.

Уже и нынешнее умножение числа частных автомобилей есть не что иное, как результат постоянной пропаганды, с помощью которой капиталисты убеждают массы — в данном случае с поразительным успехом, — что владение машиной является привилегией, даруемой обществом своим лучшим представителям. (Впрочем, анархический прогресс сам себе противоречит: страннейший спектакль являет собой рекламный ролик, в котором префект полиции уговаривает парижан — владельцев транспортных средств пользоваться общественным транспортом.)

Столкнувшись с идеей привилегии, пусть и в столь неброском обличье, и зная, что многие люди — причем, далеко не привилегированные — готовы яростно защищать свои убогие преимущества, следует констатировать, что и то, и другое связано с определенной идеей счастья. Эту идею, которую исповедует буржуазия и поддерживает система рекламы, охватывающая все от эстетики Мальро до слоганов «Кока-колы», нужно подрывать при каждом удобном случае и всеми возможными средствами.

Несомненно, главными из этих средств являются предложение — с целью систематической провокации — возможностей превратить жизнь в сплошную захватывающую игру и неустанный разнос ходовых

развлечений (разумеется, при условии невозможности их перенаправления [détournement] на создание более интересных ситуаций). Самое сложное в таком предприятии — придать бредовым, по видимости, предложениям достаточную степень *серьезного соблазна*. Помочь здесь может умелое применение современных средств коммуникации, хотя и демонстративное неприятие этих средств, а также акции, призванные разочаровать в них тех, кто к ним пристрастен, бесспорно, могут сравнительно малыми усилиями поспособствовать созданию атмосферы растерянности, более чем благоприятной для внедрения новых представлений об удовольствии.

Идея, согласно которой реализация аффективной ситуации всецело зависит от хорошего знания и рационального применения ряда конкретных механизмов, легла в основу «Психогеографической игры недели», опубликованной — не без юмора — в первом номере журнала *Potlatch*:

В соответствии с поставленной целью выберите страну, город с той или иной плотностью населения, более или менее оживленную улицу. Постройте дом. Обставьте его мебелью. Наилучшим образом используйте возможности украшения интерьера и те, что предоставляются окружающей местностью. Выберите время года и время суток. Пригласите в гости симпатичных вам людей, подготовьте подходящую музыку

и напитки. Освещение и темы бесед должны соответствовать случаю, так же как и погода на улице, и ваши воспоминания.

Если вы все рассчитаете правильно, результат вас не разочарует.

Нужно стараться выбрасывать на рынок, пусть пока лишь на рынок интеллектуальный, как можно больше желаний, не вмещающихся в старую организацию общества, но сообразных имеющимся сегодня в распоряжении человека способам воздействия на материальный мир. Политически небесполезно противопоставить такие желания примитивным позовам, которые — что и не удивительно — без конца пережевываются в киноиндустрии и в психологических романах из тех, что пишет продажная сволочь вроде Мориака. («В обществе, основанном на нищете, самые нищенские продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс», — растолковывал Маркс бедняге Прудону.)

Революционное преобразование мира, которое должно охватить все его стороны без исключения, докажет обоснованность стремления к изобилию.

Резкое изменение обстановки на улице в радиусе нескольких метров; четкое разделение города на зоны с разным психическим климатом; сильный, хотя и не связанный с физическим перепадом высот, уклон, которому следуют бесцельные прогулки; очарование или мерзость определенных мест —

прежде все это не принималось во внимание или, во всяком случае, не рассматривалось с точки зрения причин, которые можно выявить путем углубленного анализа и выгодно использовать. Люди прекрасно знают, что одни кварталы навевают тоску, а другие радуют сердце. Однако, как правило, они убеждены, что фешенебельные улицы вселяют чувство удовлетворенности, а бедные вызывают уныние, и никаких нюансов для них не существует. На самом деле различные сочетания атмосфер, аналогичные соединению чистых химических веществ в бесконечном количестве смесей, способны вызывать такие же сложные и многообразные чувства, как и те, что рождают все прочие зрелища. Простейшая демистифицирующая разведка показывает, что количественное или качественное различие между кварталами города по характеру их воздействия не может быть полностью объяснено эпохой, архитектурным стилем или, тем более, условиями жизни.

Исследования, которым следует подвергнуть взаиморасположение элементов городской среды в связи с теми ощущениями, которые они вызывают, требуют смелых гипотез, постоянно корректируемых в свете опыта, критики и самокритики.

Некоторые картины де Кирико, явно продиктованные эмоциями архитектурного происхождения, способны оказывать обратное воздействие на свой объективный источник, даже менять его: они сами стремятся стать архитектурными макетами. Притя-

гательность этих произведений могли бы однажды развить и приумножить реальные кварталы тревожных аркад.

Возьмем две гавани на закате, написанные Клодом Лорреном и выставленные в Лувре. Изображая границу между двумя абсолютно разными состояниями городской атмосферы, они соперничают по красоте со схемами парижского метро, вывешенными в поездах. Говоря здесь о красоте, я, разумеется, имею в виду не пластическую красоту — новая красота может быть только красотой ситуаций, — а лишь исключительно волнующее в обоих случаях представление некоей *суммы возможностей*.

Среди более сложных способов вмешательства пригодной для неотложного применения кажется обновленная картография.

Составление психогеографических карт или даже различные трюки вроде сколь угодно малообоснованного или вообще произвольного наложения друг на друга двух топографических порядков могут способствовать прояснению некоторых перемещений — разумеется, не случайных, но абсолютно *непокорных* обычаям (каковые можно в целом отнести к разряду туризма — распространенного наркотика, который так же отвратителен, как спорт и покупки в кредит).

Недавно один мой приятель рассказывал, как он путешествовал по горному массиву Гарц в Германии при помощи карты Лондона, слепо

руководствуясь ее указаниями. Очевидно, что игра такого рода — лишь робкий первый шаг в направлении полноценной архитектурно-урбанистической деятельности, которая однажды станет общедоступной. До тех пор мы можем наметить несколько сравнительно нетрудных способов частичной реализации, начиная с простого перемещения элементов городского убранства, обычно обнаруживаемых нами в заготовленных местах.

Так, в предыдущем номере этого журнала* Марьен** предложил вместо того, чтобы расточать мировые ресурсы на бессмысленные предприятия, как это делается сегодня, собрать в одном пустынном месте и без какого-либо порядка все конные статуи из всех городов. В результате проходим — а ведь будущее именно за ними — открывался бы спектакль некоей всеобщей кавалерийской атаки, который мог бы напоминать о виновниках величайших в истории кровопролитий, от Тамерлана до Риджвея***. Здесь вновь заявляет о себе главное требование того поколения**** — воспитательная ценность.

В действительности не стоит ожидать существенных сдвигов, пока действующие массы не осоз-

* *Les Lèvres nues.*

** Марсель Марьен (1920–1993) — поэт, фотограф, коллажист, кинематографист, видный деятель бельгийского сюрреализма.

*** Мэтью Риджвей (1895–1993) — американский военачальник, участник обеих мировых и Корейской войн. Здесь имеются в виду операции, осуществленные под его командованием силами ООН в Корее в первой половине 1951 года.

**** Поколения Марьена.

нают характер условий жизни, которые навязываются им во всех областях, и не освоят практические способы их изменения.

«Воображаемое — это то, что становится реальным», — писал один автор*, имя которого я предпочел выкинуть из головы по причине его вопиющей духовной деградации. Однако это утверждение с его невольной решительностью может послужить пробным камнем для выявления некоторых пародий на литературную революцию: все, что склонно оставаться нереальным, есть пустая болтовня.

Жизнь, за которую мы несем ответственность, встречает на своем пути как серьезные поводы к унынию, так и великое множество более или менее заурядных возможностей отвлечься и успокоиться. Каждый год кто-нибудь из тех, кого мы любили, сознательно капитулирует, не сумев оценить имеющиеся в его распоряжении возможности. Впрочем, эти люди не делают сильнее вражеский лагерь, который и так уже составляют миллионы дураков и в котором быть дураком — объективная необходимость.

Главным моральным пороком остается снисходительность во всех ее разновидностях.

* Речь идет об Андре Бретоне. Цитата взята из сборника Бретона «Белокурый револьвер» (1932).

Теория дрейфа*

Дрейф — один из ситуационистских методов — можно определить как технику быстрого прохождения через несколько различных сред. Понятие дрейфа неразрывно связано с осознанием явлений психогеографического характера и с разработкой созидательно-игрового поведения, всецело чуждого традиционным представлениям о путешествии и прогулке.

Тот или те, кто пускается в дрейф, на более или менее продолжительное время порывают с общепринятыми мотивами к перемещению и действию, а также со своими обычными контактами, с трудом и досугом, чтобы повиноваться импульсам территории и случающихся на ней встреч. Элемент непредсказуемости играет здесь не столь решающую роль, как может показаться: с точки зрения дрейфа, каждый город имеет свой психогеографический рельеф с постоянными течениями, неподвижными точками и водоворотами, затрудняющими доступ в некоторые зоны или выход из них.

В целом дрейф представляет собой свободное движение в сочетании с его необходимой противоположностью — управлением психогеографической динамикой за счет осознания и учета предоставляемых ею возможностей. В этом последнем отношении для психогеографической мысли полезны

* Первая публикация — журнал *Les Lèvres nues*, № 9, ноябрь 1956.

данные, выявляемые экологией, хотя социальное пространство, которое изучает эта наука, остается очень ограниченным.

Экологический анализ абсолютных и относительных разрывов в городской ткани, зон микроклимата, элементарных единств города, не совпадающих с его административными подразделениями, а особенно — доминирующего воздействия городских центров притяжения, подлежит использованию и дополнению средствами психогеографического метода. Объективно-чувственная территория, в которой будет разворачиваться дрейф, должна определяться как исходя из ее собственного детерминизма, так и исходя из ее отношений с социальной морфологией.

Шомбар де Лов* в своем исследовании «Париж и его пригороды», вышедшем в серии «Библиотека современной социологии» (Paris: P. U. F., 1952), отмечает, что «характер городского квартала определяется не только географическими и экономическими факторами, но и представлением о нем его жителей и жителей других кварталов». В той же работе, иллюстрируя тезис, согласно которому «реальный Париж, в котором живет отдельно взятый человек, очень невелик и <...> географически образует зону крошечного радиуса», он приводит план годовых перемещений студентки, живущей в XVI округе. Эти перемещения образуют маленький треугольник,

* Поль Анри Шомбар де Лов (1913–1998) — французский антрополог и социолог, один из основоположников социологии города.

стороны которого, никуда не отклоняясь, соединяют Школу политических наук, дом девушки и дом ее преподавателя фортепьяно.

Подобные схемы — будь они образцами современной поэзии, способными вызвать живой аффективный отклик (в данном случае — возмущение тем, что можно так жить), или даже элементами теории вроде той, в которой Бёрджесс* описал на примере Чикаго распределение типов социальной активности по четким концентрическим зонам, — никак не способствуют развитию практики дрейфа.

Случайность играет в дрейфе большую роль потому, что методика психогеографического наблюдения еще плохо разработана. Однако влияние случайности в силу естественных причин консервативно и часто сводит процесс к чередованию ограниченного числа вариантов и к привычке. Поскольку прогресс дрейфа всегда определяется разрывом поля, управляемого случайностью, в результате создания новых условий, более благоприятных для реализации поставленных целей, можно сказать, что случайности дрейфа существенно отличаются от случайностей прогулки, хотя первые же обнаруженные точки психогеографического притяжения могут привязать дрейфующего или дрейфующих к новым привычным осям, вновь и вновь выводя их на одни и те же маршруты.

* Эрнест Уотсон Бёрджесс (1886–1966) — американский социолог, один из основоположников экологии города.

Чрезмерное доверие к случайности и невнимание к ее неизменно реакционному идеологическому использованию завело в скучный тупик знаменитый опыт, предпринятый в 1923 году четырьмя сюрреалистами, которые выбрали город по жребию и двинулись из него куда глаза глядят*. Очевидно, что блуждание в чистом поле нагоняет тоску, и тут уж вмешательство случая бесполезно, как никогда. Еще большее недомыслие продемонстрировал в статье на страницах журнала *Medium* за май 1954 года некий Пьер Вандри, связавший эту историю (на основании — якобы — общей причастности к антидетерминистскому освобождению с экспериментами в области вероятности, один из которых, например, состоял в случайном распределении головастика в круглом кристаллизаторе. «Разумеется, эта масса, — поясняет Вандри суть эксперимента, — не должна получать никакого направляющего воздействия извне»: в таких условиях головастики и в самом деле срывают куш, благо они «насколько это возможно, лишены интеллекта, социального инстинкта и сексуальности», а потому «действительно независимы друг от друга».

Вопреки всем этим абберациям, дрейф — явление по существу городское, сопряженное со

* Опыт состоялся в мае 1924 года (см.: *Bonnet M. Chronologie // Breton A. Œuvres complètes. T. 1. Paris: Gallimard [Bibliothèque de la Pléiade], 1988. T. 1. P. XLVIII*). Луи Арагон, Андре Бретон, Макс Мориз и Роже Витрак доехали на поезде от Парижа до Блуа (города, определенного жребием), а оттуда несколько дней шли пешком до городка Роморантен.

средоточиями возможностей и значений, каковыми являются преобразенные промышленностью крупные города, — скорее созвучен фразе Маркса: «Люди не в состоянии увидеть вокруг себя ничего, кроме собственного лица, все говорит им о них самих. Даже пейзаж для них одушевлен».

Можно дрейфовать в одиночку, но, судя по всему, наиболее плодотворным является дрейф несколькими группами из двух-трех единомышленников. Сопоставление полученных этими разными группами впечатлений поможет сделать объективные выводы. Желательно, чтобы состав групп менялся от дрейфа к дрейфу. Если группы насчитывают больше четырех-пяти человек, специфика дрейфа быстро теряется, а если число участников превышает десяток, дрейф неизбежно распадается на несколько дрейфов, проводимых одновременно. Нужно сказать, что последний вариант представляет большой интерес, однако до сих пор сопутствующие сложности не позволили организовать такой дрейф должным образом.

Средняя продолжительность дрейфа — один день, то есть временной интервал между двумя периодами сна. Время отправления и прибытия по отношению к световому дню не имеет значения, но стоит учесть, что предрассветные часы обычно не подходят для дрейфа.

Указанная средняя продолжительность имеет лишь статистическую ценность. На деле она встречается редко: в начале и в конце одноднев-

ного промежутка участники обычно поддаются желанию отвлечься и посвятить час-другой своим рутинным занятиям; на заключительном этапе этому дополнительно способствует усталость. Но иногда дрейфующие сознательно укладываются в несколько часов или, наоборот, неожиданно входят в дрейф как на достаточно краткий промежуток, так и на несколько дней подряд. Несмотря на перерывы, вызванные необходимостью сна, некоторые интенсивные дрейфы могут длиться три-четыре дня, а то и больше. Если же дрейфы следуют один за другим в течение длительного периода, почти невозможно более или менее точно установить, когда душевное состояние, свойственное одному дрейфу, сменяется другим. Однажды дрейфы шли почти непрерывно около двух месяцев, так что одни объективные условия поведения в значительной части сменились за это время другими.

Погода влияет на дрейф, но становится определяющим фактором лишь в случае затяжных дождей, когда дрейфовать почти невозможно. Грозы и прочие виды осадков — скорее благоприятный фактор.

Пространственное поле дрейфа может быть более или менее определенным в зависимости от того, какова его цель — изучение территории или получение озадачивающих аффективных результатов. Не стоит пренебрегать тем фактом, что эти два аспекта дрейфа тесно взаимосвязаны и полностью отделить один от другого невозможно.

Впрочем, кое-что может помочь их разграничить — например, использование такси. Если дрейфующий берет такси, либо для поездки в конкретное место, либо, скажем, просто для движения на запад в течение двадцати минут, то, скорее всего, задачей для него является смена привычной обстановки. Если же ведется непосредственное исследование территории, то на первый план выходит психогеографическое изучение урбанизма.

Так или иначе, пространственное поле дрейфа зависит от точки отправления — местожительства индивида или места сбора группы. Максимальная площадь этого поля не превышает границ большого города с пригородами, а минимальная может быть ограничена небольшой зоной — одним кварталом или даже одной городской единицей, если, конечно, она заслуживает внимания (крайним примером является статичный дрейф в течение дня по территории вокзала Сен-Лазар).

Исследование фиксированного пространственного поля предполагает определение баз и расчет направлений проникновения. Здесь требуется изучение, исправление и усовершенствование карт, как обычных, так и экологических и психогеографических. Надо ли говорить, что расположенность к территории — кварталу, часто незнакомому дрейфующим и посещаемому ими впервые, — не имеет никакого значения? Если этот несущественный, чисто субъективный фактор и проявляется, то ненадолго. Его следует учиты-

вать лишь в тех редких случаях, когда речь идет о поиске психогеографических полюсов какой-либо зоны путем систематического отклонения от ее привычных центров. Тогда имеет смысл блуждание по хорошо знакомым кварталам.

При избрании тактики «возможного свидания» доля исследования сводится к минимуму, а главную роль приобретает непредсказуемое поведение. Участнику предлагается явиться одному к назначенному времени в условленную точку. Поскольку никто его не ждет, он не скован строгими обязательствами, характерными для обычного свидания. Пока «возможное свидание» ведет его свободным путем в некое место, знакомое ему или нет, он изучает окрестности. Иногда в том же самом месте и в то же самое время устраивается еще одно «возможное свидание» для другого человека, не известного заранее первому, так что, не зная того в лицо, ему приходится заводить беседы со случайными прохожими. Он может никого не встретить, а может случайно встретить того, кому назначено «возможное свидание». Так или иначе, особенно если место и время выбраны правильно, участника ожидает непредвиденный поворот событий. Он может назначить по телефону другое «возможное свидание» тому, кто не знает, чем закончилось первое. Вариантов такого времяпрепровождения великое множество.

Некоторые, как принято говорить, сомнительные забавы людей в моем окружении,

всегда вызывавшие у меня живой интерес, явно имели между собой то общее, что можно обозначить как чувство дрейфа: одни забирались ночью в выселенный дом, другие ездили по Парижу автостопом во время забастовки работников транспорта, третьи просто шли в произвольном направлении или бродили по катакомбам, закрытым для посетителей.

Данные, полученные по итогам дрейфа, позволяют составить предварительные планы психогеографического строения современного города. Помимо зон особой атмосферы, их ключевых элементов и пространственных границ выявляются основные пути их прохождения со свободными выходами и тупиками. Намечается важнейшая гипотеза существования психогеографических поворотных кругов*. Устанавливаются расстояния, фактически разделяющие зоны города и при этом не совпадающие с приблизительным представлением о них, которое дает обычная карта. Комбинируя старые карты, аэрофотоснимки и данные экспериментальных дрейфов, можно приступить к созданию картографии влияний; никогда прежде таковой не существовало, и если поначалу она неизбежно будет неопределенной — для ее создания требуется огромный труд, — эта

* Поворотный круг — железнодорожное сооружение, представляющее собой участок пути, который поворачивается по диаметру окружности, позволяя разворачивать локомотивы и выводить их из депо на любой путь станции.

неопределенность не больше той, которой обладали первые портуланы*, с тем отличием, что теперь речь идет не о фиксации контуров неподвижных континентов, а об изменении архитектуры и городского пространства.

Сегодняшние границы, разделяющие зоны особой атмосферы и среды обитания, при всей своей нечеткости включают в себя более или менее протяженные рубежные полосы. Главное изменение, к которому стремится дрейф, заключается в неуклонном сужении этих рубежных полос вплоть до их полного исчезновения.

В архитектуре дух дрейфа поддерживает все новые разновидности лабиринта, к которым располагают возможности современного строительства. Так, в марте 1955 года в прессе появилось сообщение о возведении в Нью-Йорке жилого дома, по которому можно дрейфовать:

Квартиры в спиралевидном доме имеют форму кусков пирога. По желанию владельцев они могут быть увеличены или уменьшены в размерах с помощью мобильных перегородок. Деление на полуэтажи позволяет не ограничивать число комнат: съемщик может включить в свою квартиру смежные участки на нижнем или верхнем уровнях. Эта система позволяет за шесть часов

* Портуланы (от *итал.* portolano — лоция) — карты позднего Средневековья и эпохи великих географических открытий, на которых обозначались главным образом острова и линии побережий.

превратить три четырехкомнатные квартиры в одну двенадцатикомнатную.

Чувство дрейфа естественным образом связано с неким более общим отношением к жизни, которое, однако, трудно механически из него вывести. Я не стану распространяться ни о предвестиях дрейфа, которые можно бесспорно выявить или домыслить путем отклонения [*détournement*] в литературе прошлого, ни об особых эмоциях, вызываемых этой практикой.

Трудности дрейфа — это трудности свободы. Всё свидетельствует о том, что в будущем нас ждут необратимые перемены в поведении людей и в облике современного общества. Однажды начнут строиться города, предназначенные для дрейфа. Для них пригодны — при условии незначительной корректировки — некоторые уже существующие зоны. Для них пригодны некоторые уже существующие люди.

Два отчета о дрейфах*

1. Встречи и превратности одного продолжительного дрейфа

Вечером 25 декабря 1953 года леттристы Ж. И., Г. Д. и Г. Л.** входят в алжирский бар на улице Ксавье Прива — называемый ими между собой «У малайца Томá», — где они провели и всю предыдущую ночь. Там они заговаривают с неким антильцем лет сорока, выделяющимся необычной для завсегдатаев этого питейного заведения элегантностью. В момент их прихода он болтал с К., хозяином бара.

Антилец без каких-либо оснований спрашивает, «не служат ли они в армии», а, получив отрицательный ответ, начинает допытываться, «в какой организации они состоят». Сам он представляется явно выдуманном именем Камиль Ж. Его дальнейшая речь пестрит совпадениями (он называет знакомые адреса, говорит, что проводил время на этой неделе так же, как и его собеседники, к тому же он родился в один день с Ж. И.) и двусмысленными фразами, в которых слышатся сознательные намеки на дрейф. Но примечательнее всего его нарастающий бред на тему того, что нужно уезжать: он то и дело приговаривает, что «постоянно путешествует». Совершенно серьезным тоном Ж. рассказывает, что по приезде

* Первая публикация — журнал *Les Lèvres nues*, № 9, ноябрь 1956.

** Жиль Ивен (Иван Щеглов), Ги Дебор и Газтан Лангле.

из Гамбурга стал разыскивать этот бар — любимый им с тех пор, как он когда-то побывал в нем, — и, не найдя, сгонял в Нью-Йорк, чтобы взять адрес у своей жены. Однако искомый листок куда-то запропастился, и лишь по случайному везению он нашел нужное место. Он прилетел в Орли. (Между тем за несколько последних дней из-за забастовки службы охраны и плохой видимости в Орли не приземлился ни один самолет. Г. Д. знал это наверняка, так как сам приехал только позавчера поездом, до этого двое суток просидев в аэропорту Ниццы.) С печальной уверенностью Ж. заявляет Г. Л., что тот взял на себя задачу не по силам (и действительно, через два месяца Г. Л. будет исключен). Наконец, Ж. предлагает леттристам встретиться в том же месте на следующий день — он угостит их великолепным ромом «со своей плантации». Еще он говорит, что познакомит их со своей женой, а затем как ни в чем не бывало добавляет, что завтра «станет вдовцом», поскольку его жена с утра пораньше едет на машине в Ниццу.

После его ухода К., к которому леттристы обратились с расспросами (сам он ничего не знал об их деятельности), не сумел сказать ничего внятного, кроме того, что несколько месяцев назад Ж. уже заходил в бар выпить стаканчик.

Назавтра Ж. является на встречу вместе с женой, довольно привлекательной антилькой его лет. Из своего рома он готовит великолепный пунш. Сидящие в баре алжирцы реагируют на присутствие Ж. и его жены со странной смесью энтузиазма и по-

читительности. В заведении воцаряется необычное оживление: гром гитар, крики, танцы. Вдруг Ж. миглом восстанавливает тишину, провозглашая тост за «наших братьев, погибающих на поле битвы» (хотя в это время нигде, за исключением Индокитая, не велось сколько-нибудь заметных военных действий). Беседа принимает тот же бредовый оборот, что и накануне, но на этот раз в ней участвует и жена Ж. Заметив на ней кольцо, накануне красовавшееся на пальце ее мужа, Г. Л. шепчет Ж. И.: «Вуду перешло в другие руки», напоминая о вчерашних репликах Ж., не лишенных сходства с речами зомби или знаками, по которым узнают друг друга члены тайных сект. Жена Ж., услышав эту фразу, заговорщически улыбается.

Поговорив о встречах и об особых местах, располагающих к знакомствам, Ж. заявляет собеседникам, что, возможно, они больше не увидятся, поскольку «ему до них как до неба». Его убеждают в обратном. Прощаясь, Ж. И. предлагает снабдить жену Ж., коль скоро она едет в Ниццу, адресом симпатичного бара в этом городе. Ж. холодно отвечает, что, к сожалению, идея запоздала, поскольку жена уехала еще утром. И напоследок замечает, что теперь он убежден: они непременно встретятся, «пусть даже в другом мире», и добавляет: «Вы меня понимаете?», давая понять, что предыдущая фраза не исчерпывалась банальным мистицизмом.

Вечером 31 декабря в том же баре на улице Ксавье Прива леттристы обнаруживают десяток

алжирцев с улицы Пигаль и запуганных этой «бандой», невзирая на собственный крутой нрав, за-
всегдатаев и К. История оказывается довольно-таки
темной: она касается некоей аферы с фальшивыми
деньгами, возможно, связанной с арестом приятеля
К., схваченного в этом же баре несколько недель
назад за торговлю наркотиками. Поскольку визите-
ры, очевидно, не хотят вмешивать европейцев в свои
дела, надеясь, что обычная разборка между северо-
африканцами не привлечет внимание полиции,
и поскольку К. просит леттристов не уходить из бара,
Г. Д. и Ж. И. проводят всю ночь, выпивая у стойки (за
нее алжирцы поставили девушку, которую привели
с собой) и во весь голос обсуждая темы, только усугубляющие беспокойство притихшей публики. Так,
около полуночи они заговаривают о том, кто дол-
жен умереть в этом или будущем году, и вспоминают
слова приговоренного к смерти, которого должны
казнить 1 января: «Вот отличное начало года»; шут-
ки подобного рода явно наводят ужас на засевших
в баре чужаков. Ж. И. с успехом продолжает в том же
духе до утра, хотя Г. Д. давно уже мертвецки пьян.
Аналогичным образом проходит и день 1 января
1954 года. Ни прозрачные намеки, ни закамуфли-
рованные угрозы не убеждают леттристов убрать-
ся, пока не дошло до потасовки, причем, заполучив
правдами и неправдами доступ к телефону, им не
удается дозвониться ни до кого из друзей. Наконец
ближе к вечеру друзья К. и чужаки приходят к ком-
промиссу и расстаются, кроя друг друга последними

словами (в дальнейшем К. из явной боязни так и не объяснил, что между ними произошло, а леттристы постеснялись его расспросить).

На следующий день ближе к вечеру Г. Д. и Ж. И., внезапно заметив, что находятся вблизи улицы Вьей дю Тампль, решают зайти в местный бар, где шесть недель тому назад с Ж. И. произошло нечто странное. Когда он заглянул туда во время дрейфа вместе с П. С.*, бармен, явно оживившись при его виде, спросил: «Вы, конечно же, пришли выпить?», а, получив положительный ответ, продолжил: «Все спиртное кончилось. Приходите завтра». Ж. И. машинально буркнул: «Хорошо» — и вышел на улицу. П. С., изумленный этим абсурдным диалогом, последовал за ним.

На сей раз, когда Ж. И. и Г. Д. появляются в баре, их встречают взгляды десятка мужчин в шляпах, сидящих за двумя или тремя столиками, внезапно прервав разговор на идише. Леттристы выпивают у стойки, повернувшись спиной ко входу. Вдруг какой-то мужчина, тоже в шляпе, вбегает в помещение, и официантка, которой они до этого в глаза не видели, кивает им: мол, обращайтесь к нему. Мужчина приносит стул, ставит его в метре от приятелей, садится и заводит длинную речь на идише, явно обращаясь к ним. То он словно пытается их в чем-то убедить, то угрожает, хотя и без агрессивных нот в голосе, но, главное, не выражает и тени сомнения в том, что его понимают. Леттристы

* Патрик Страрам.

держатся невозмутимо и с крайним пренебрежением поглядывают на публику, которая в какой-то тревоге ждет их ответа. В конце концов они уходят из бара и на улице обмениваются впечатлениями, соглашаясь в том, что никогда прежде им не доводилось бывать в такой ледяной атмосфере и что вчерашние бандиты — сущие агнцы по сравнению с этими типами. Еще немного побродив, они оказываются на мосту Нотр-Дам и вдруг замечают, что за ними, как в гангстерских фильмах, увязались два субъекта из бара. Чтобы сбить их со следа по правилам жанра, друзья небрежной походкой переходят мост, а затем быстро сбегают по ступеням направо, на набережную острова Сите и бросаются наутек. Пробежав под Новым мостом, они попадают на площадь Вер-Галан, а оттуда поднимаются к площади Нового моста по лесенке, спрятавшейся за статуей Генриха IV. Тем временем к статуе подбегают двое других типов в шляпах — не иначе как чтобы следить за подъемом набережной Орфевр, единственным отходным путем, если не знать о существовании лестницы. Увидев леттристов, они встают как вкопанные. Ж. И. и Г. Д. движутся по направлению к ним и проходят мимо — к величайшему удивлению, теровным счетом ничего не предпринимают. Приятели направляются по Новому мосту на правый берег. Вскоре они замечают, что за ними опять идут, причем к погоне присоединилась машина, стоявшая на Новом мосту, — двое в шляпах, похоже, обменялись знаками с водителем. Ж. И. и Г. Д. успевают пересечь

набережную Лувра, прежде чем машины тронутся: движение здесь очень плотное. Пользуясь этим преимуществом, они быстро пересекают первый этаж универмага «Самаритен», выходят на улицу Риво-ли, ныряют в метро на станции «Лувр», а следом, на «Шатле», делают пересадку. Некоторые пассажиры в шляпах выглядят подозрительными. Ж. И. кажется, что сидящий рядом антилец подает ему тайные знаки: он решает, что это посланник Ж., призванный защитить их от внезапного натиска враждебных сил. Выйдя на станции «Монж», леттристы поднимаются по пустынному континенту Контрэскарп на холм Святой Женеьевы. В атмосфере нарастающей тревоги сгущаются сумерки.

2. Дрейф как средство фиксации атмосферных зон

Во вторник 6 марта 1956 года Г.-Э. Дебор и Жиль Ж. Вольман встречаются в 10 часов утра на улице Жарден-Поль* и направляются на север с намерением исследовать возможности пересечения Парижа по этой линии. Вопреки плану, их быстро сносит на восток, и они попадают в XI округ, застроенный убогими стандартизированными домами с магазинами и кафе в нижнем этаже, — типичный образчик

* Здесь и ниже автор — из антирелигиозных убеждений и вслед за революционным Конвентом — систематически опускает в топонимах определение «Сен(т)» (франц. Saint(e) — святой, -ая): здесь речь идет об улице Жарден-Сен-Поль, а в конце текста — о канале Сен-Дени и одноименном пригороде Парижа.

отталкивающего мелкобуржуазного пейзажа. Единственной приятной встречей для дрейфующих становится расположенный в доме 160 по улице Оберкампа магазин «Колбасные изделия — продукты А. Бретона». Достигнув XX округа, Дебор и Вольман углубляются в закоулки между улицами Менильмонтан и Куронн, окруженные пустырями и обшарпанными приземистыми строениями. Лестница в северной части улицы Куронн выводит их в сплетение похожих, но несколько обезображенных досадной обывательщиной улочек. Затем дрейф отклоняется к северо-востоку. Приятели преодолевают пригорок между авеню Симона Боливара и Матюрена Моро, исчерченный пустынными улицами (Реми де Гурмона, Эдгара По и др.) с удручающе монотонными фасадами домов, после чего оказываются в конце канала Мартен, где неожиданно встречают великолепную ротонду Клода-Никола Леду, пребывающую в невероятном запустении, почти разрушенную и странным образом приобретающую в очаровании от соседства с надземной веткой метро. Другим вспоминается замечательное предвидение Тухачевского, процитированное некогда в журнале «Сюрреалистическая революция»: маршал считал, что Версаль станет еще красивее, когда между дворцом и прудами построят завод*.

Изучая территорию, леттристы приходят к выводу о наличии здесь психогеографического поворотного круга, который можно определить как зону «Жорес — Сталинград» с ротондой Леду в цен-

* *La Révolution surréaliste*, № 9–10, 1 октября 1927. Р. 64.

тре и как минимум с четырьмя расходящимися от нее важными психогеографическими ветками (канал Мартен, бульвар де ла Шапель, улица Обервилье, канал Урк). В связи с понятием поворотного круга Вольман вспоминает окрещенный им в 1952 году «центром мира» перекресток в Каннах. Бесспорно, уместно и сравнение этой зоны с обладающими чисто психогеографической притягательностью иллюстрациями из книг для младших школьников, где с дидактическими целями рисуют сразу гавань, гору, перешеек, лес, реку, плотину, мыс, мост, корабль и архипелаг. Этот прием не лишен сходства с изображениями портов на картинах Клода Лоррена.

Дебор и Вольман продолжают двигаться на север по прекрасной и трагичной улице Обервилье. По пути они перекусывают. Дойдя по бульвару Макдональда до канала Дени, они следуют все так же на север по правому берегу канала, делая более или менее продолжительные стоянки в моряцких барах. Сразу за мостом Ланди они проходят через известный им шлюз и в 18:30 прибывают в испанский бар, который завсегдатаи-рабочие называют между собой «Таверной бунтовщиков». Он расположен у западной границы пригорода Обервилье, напротив местности под названием Ла-Плен, входящей в коммуну Дени. Вновь пройдя шлюз, друзья некоторое время бродят по Обервилье — ночью они бывали здесь десятки раз, но днем никогда. Смеркается, и они решают окончить дрейф, признанный малоинтересным.

Итоги экспедиции сводятся к тому, что дрейфовать из выбранной точки лучше всего в направлении северо-северо-запада, что систематические дрейфы подобного рода нужно проводить почаще, так как Париж в таком разрезе остается плохо изученным, а также что свойственное дрейфу противоречие между случайностью и сознательным выбором вновь заявляет о себе после каждой стадии равновесия и этот процесс продолжается бесконечно. Дебор предлагает посвятить следующие дрейфы поиску прямого пути от центра «Жорес — Сталинград» (или «Леду») к Сене и изучению его западных ответвлений. Вольман предлагает дрейфовать от «Таверны бунтовщиков» вдоль канала к северу — до Дени и далее.

МЫ СМЕЕМСЯ, НО ВСЕГДА НЕВПОПАД С ВАМИ

Положение континента

Контрэскарп*

Монография Группы
психогеографических исследований
Леттристского интернационала

С начала лета 1953 года леттристы стали регулярно собираться на улице Монтань-Женевьев** (ранее, по решению Конвента, называвшейся просто улицей Монтань) в V округе Парижа, особенно притягательные для них точки которого они посещали предшествующей весной. Общий курс, пока еще неосознанный, направляет их движение на юг, до площади Контрэскарп и далее.

Параллельно осознанию некоторыми того, что углубленное полевое исследование территории современного города может увенчаться теорией (пусть и довольно рискованной) построения ситуаций, Жиль Ивен открывает атмосферную зону, которой дает название «континент Контрэскарп» — на основании ее намного бóльших по сравнению с другими кварталами протяженности и энергетики.

* Первая публикация — журнал *Les Lèvres nues*, № 9, ноябрь 1956.

** Эта улица названа по холму Св. Женевьевы, на который поднимается (см. о нем выше, в тексте «Встречи и превратности одного продолжительного дрейфа»).

Хотя дрейфы многократно пересекали этот континент во всех направлениях, даже примерные его границы и точные отличия от соседних точек притяжения определяются с большим трудом. В своем «Введении в континент Контрэскарп», датированном 24 января 1954 года, Жиль Ивен пишет: «Перед нами стояла задача исследовать континент. Он лежал прямо перед нами и выглядел почти не изведанным. Мне он казался приблизительно овальным, но теперь его форма на карте напоминает очертания Чили: это собственно контрэскарп* и его вспомогательные участки» (рукопись TN 12 в архиве Леттристского интернационала). Правда, эти вспомогательные участки — холм Бютт-о-Кай и, особенно, затерянная в нем улица Жерара; улица Соваж**; или, из числа ближайших, улица Монтань-Женевьев — в конце кон-

* Название «континенту» дала входящая в его состав площадь Контрэскарп, в свою очередь названная по проходившему через ее нынешнее местоположение контрэскарпу — искусственному откосу крепостной стены города, возведенной на рубеже XII–XIII веков, в правление короля Филиппа II Августа (ее отдельные остатки сохранились, а контрэскарп отразился на рельефе квартала).

** Улица Соваж (франц. Дикая), проходившая в XIII округе Парижа между путями Аустерлицкого вокзала и набережной Сены, к этому времени была уже уничтожена и оплакана в 7-м номере журнала *Potlatch* (3 августа 1954). По словам Дебора, выступившего тогда автором анонимной заметки «Улицу Соваж разрушают», эта улица открывала «самую головокружительную перспективу на ночную столицу». Далее в тексте говорилось: «Мы скорбим об исчезновении этой городской артерии, малоизвестной, но более живой, чем Елисейские Поля с их огнями» (см.: *Anonyme* [Debord G.]. *On détruit la rue Sauvage* // *Debord G. Œuvres*. Op. cit. P. 148).

цов оказались отдельными зонами, и от исходной овальной формы континента мало что осталось.

В первом приближении континент Контрэскарп соответствует центральной части V округа Парижа, отграниченной вследствие конфигурации входящих в нее улиц от более или менее соседних городских территорий. На севере эта зона ограничена улицей Эколь, на северо-западе — улицей Жюссё, на востоке — улицами Линнея и Жоффруа Илера, на юго-востоке — улицей Клода Бернара, на западе — улицей Ульма, Пантеоном и улицей Валетта. В восточной части его пересекает единственный значительный путь по линии север — юг — улица Монж. Основным фактором, определяющим экологический характер этого городского комплекса, является отсутствие прямого сообщения по линии запад — восток. (Путь, который решил бы эту задачу, уже многие годы формируется по оси улиц Эразма — Сенёя*. За время, прошедшее после открытия континента, эта ось, начинающаяся от улицы Ульма, продлилась — за счет прокладки выхода с улицы Кальвина — до улицы Муффтар. Теперь на обеих ее оконечностях нужно снести по кварталу домов, чтобы, пройдя через улицы Аббе-де-л'Эпе на западе и Мирбель на востоке, она достигла бульвара Мишель и улицы Сансье.)

* Речь идет об улице Пьера Броссолета (до 1944 — улица Курселя-Сенёя), продолжающей улицу Эразма и переходящей в улицу Жана Кальвина.

Чтобы точно установить очертания Континента, от него нужно отделить приграничные зоны, находящиеся под его влиянием, но все же самостоятельные: холм Святой Женевьевы на севере, весь участок к востоку от улицы Монж, а также узкую полосу, окаймляющую улицу Монж с запада. Помимо общих границ, указанных выше, континент очерчивается также улицами Патриарш, Песталоцци, Грасьёза и Ласепада (уже к нему не принадлежащими); площадью Контрэскарп, которая является его крайней северной точкой; улицами Бленвиля, Ларомигьера, Ломона и Арбалет (входящими в его состав). Таким образом, его площадь невелика и при этом четко делится на восточную, очень оживленную часть (улица Муфftar) и западную, сравнительно пустынную (улица Ломона). Кроме того, пустынную зону континента продолжает улица Пьера Кюри, идущая от улицы Ульма к западу, до улицы Жак. Другими, столь же пустынными, но не столь отчетливыми его ответвлениями можно считать улицы Эразма и Сенёя (особенно последнюю), а также, на юге, улицу Лагарда. Наконец, к зоне Муфftar можно добавить ближайшие окрестности церкви Медар и, на юго-востоке, улицы, примыкающие к площади Сципиона (де ла Кле, Фер-а-Мулен и др.).

Основные оборонительные рубежи континента, препятствующие дрейфу и вообще проникновению на его территорию, расположены с его

западной стороны, где он смыкается с зоной активного движения по линии Пантеон — Люксембургский сад — бульвар Мишель — бульвар Пор-Рояль. На юге единственный подступ к нему со стороны авеню Гобелен — через выход на улицу Муффтар — прячется за церковью Медар, перед которой основные потоки прохожих расходятся по улицам Клода Бернара и Монж. С восточной стороны континент закрывает улица Монж, тянувшаяся до площадей Жюссё и Мобера. Относительно легкий доступ к континенту имеется только с его северной стороны, но и он предполагает строгое следование по извилистой линии улиц Монтань-Женевьев, Декарта и Муффтар. Малейшее отклонение от нее до достижения площади Контрэскарп сразу уводит далеко в сторону от цели.

Если наиболее удобные подходы к Континенту расположены вдоль оси север — юг, то основные выходы с него находятся на юге: это мощное течение улиц Фер-а-Мулен и Поливо к востоку и улице Соваж и аналогичное течение в направлении холма Бютт-о-Кай и южной части XIII округа по авеню Гобелен и улице Крульбарба (то есть вдоль речки Бьевр, почти все русло которой проходит под землей). Менее удобный выход с северной стороны ведет к площади Мобера и Сене, а еще более трудный — через Пантеон на бульвар Мишель и одноименную площадь.

Следует отметить, что сложнее всего выйти с территории континента Контрэскарп с западной

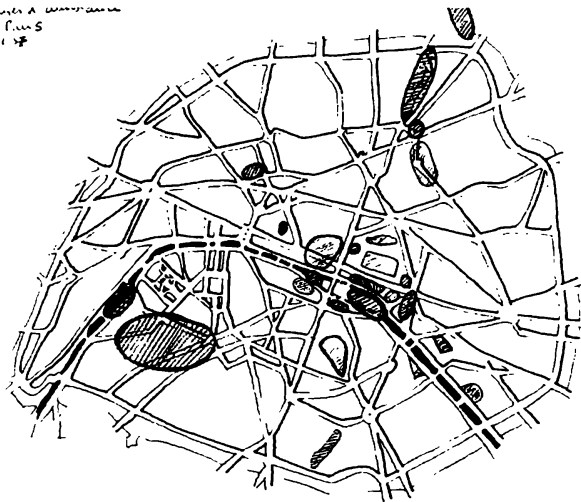
стороны, где ловушкой является улица Пьера Кюри, которая и днем, и ночью отбрасывает к югу (в сторону улицы Клода Бернара) того, кто сворачивает на нее, пройдя по улице Ломона в направлении улицы Суффло или Люксембургского вокзала.

Континент Контрэскарп интересен своей особой предрасположенностью к игре и забвению. Достаточно выстроить в нескольких его точках три-четыре подходящих архитектурных комплекса и перекрыть зданиями две-три улицы, и нам явится неопровержимое доказательство широких возможностей нового урбанизма. Но, к сожалению, это едва ли произойдет до того, как неуклонная эрозия, затрагивающая и уличную сеть (удлинение улицы Кальвен), и характер публики (отход улицы Декарта в зону типичных кабаре левого берега Сены), глубоко исказит психогеографическую жемчужину Парижа.

Атмосферные зоны Парижа

В историческом центре Парижа отмечены: площадь Вер-Галан, Пале-Рояль, Лувр и Ле-Аль (Старый Рынок), плато Бобур, квартал Анфан-Руж, Маре, площадь Вогезов, квартал Сен-Жерве с улицей Франсуа Мирона, улицы Ботрейи и Пти-Мюск, Арсенал, остров Сен-Луи, кварталы Сен-Северен и Сен-Жюльен-ле-Повр, Сен-Жермен-де-Пре и Бюси, континент Контрэскарп.

улица А. М. Мухоморова
Р. 1. 5
1. 5

улица А. М. Мухоморова
Р. 1. 5
1. 5

Наброски. 9 января 1957

15,5 × 17,7 см

В левом верхнем углу надпись
карандашом:

Атмосферные зоны Парижа 9.1.57

В правом нижнем углу
надпись карандашом:

Пометить установленные

пути красным цветом,

а предполагаемые — пунктиром

Карта Парижа до 1957 года

26,4 × 27 см

Часть плана Парижа (издательство
A. Leconte), обрезанная и приклеенная
на лист розового картона, с указанием
атмосферных зон шести первых округов
города

На обороте надпись от руки:

Карта Парижа до 1957 года

За пределами исторического центра отмечены (с юга по часовой стрелке): холм Бют-о-Кай; кварталы Гренель, Сен-Ламбер и Некер; аллея Синь; площадь Европы; площадь Марше-Сен-Оноре; бульвар де ла Виллет; ротонда Леду; улица Обервилье; коммуна Обервилье; на юго-востоке: квартал Илот-Шалон, склады Берси, улица Соваж (на левом берегу Сены).

О случае*

1. Нельзя исключить случай. Можно предвидеть все (статистически) возможные случаи для определенных условий.

2. Когда условия известны, роль случая консервативна. Так, азартные игры не оставляют места ни для чего нового. Подобным образом очень ограниченное число случаев, которые могут произойти в личной жизни человека, рассматривают гадалки. Им часто удается «предвидеть» события исходя из того, что в жизни среднего человека так же *мало вариантов*, как и в их стандартном наборе предсказаний.

3. Любой прогресс и любое творчество — это создание *новых условий для случая*.

4. На этой вершине случай до поры до времени по-настоящему непредсказуем и занимателен. Однако каждое поле случая устанавливает для него новые границы, которые затем исследуются и уточняются.

5. Человеку не свойственно желание случая как такового. Он желает чего-то большего и ждет от случая встречи с тем, что он желает. Это пассивная и реакционная ситуация (сюрреалистическая мистификация), и ее может исправить только нахождение конкретных условий, определяющих динамику желаемых случаев.

* Заметка от 23 мая 1957 года, опубликованная посмертно.

Отчет о конструировании ситуаций и об условиях организации и деятельности интернациональной ситуационистской фракции*

Революция и контрреволюция в современной культуре

Прежде всего мы считаем, что нужно изменить мир. Мы намерены сделать общество и жизнь свободными, раздвинуть рамки, в которые мы оказались загнаны. Мы знаем, что такое изменение возможно, если предпринять надлежащие действия.

Наша задача — применение известных методов действия и открытие новых, легко обнаруживаемых в области культуры и нравов, но требующих включения в общий комплекс всех революционных перемен.

То, что называют культурой, отражает, но и предвосхищает возможности организации жизни, имеющиеся в данном обществе. Принципиальной особенностью нашей эпохи является отставание революционной политической деятельности от разви-

* Напечатанный Марселем Марьеном в Брюсселе, этот отчет был представлен в июне 1957 года в Париже, а месяцем позже — в Козьо-ди-Арроша (Италия) в качестве предварительного документа объединительной конференции Ситуационистского интернационала с участием представителей Леттрристского интернационала (Мишель Бернштейн и Ги Дебор), Международного движения за имажинистский Баухаус (Джузеппе Пино Галлицио, Асгер Йорн, Вальтер Ольмо, Пьеро Симондо, Элена Верроне) и Лондонского психогеографического комитета (Ральф Рамни).

тия современных способов производства, которые требуют более совершенного мироустройства.

Мы переживаем глубокий исторический кризис. С каждым годом все явственнее поднимается проблема рационального управления новыми производительными силами и разработки новой цивилизации в мировом масштабе. Однако интернациональное рабочее движение, которое должно осуществить необходимый для этого слом экономической инфраструктуры эксплуатации, добилось лишь половинчатых успехов на местном уровне. Капитализм изобретает все новые и новые формы борьбы: государственное регулирование рынков, расширение системы дистрибуции, фашистское правление. Он опирается на вырождение рабочего самоуправления и маскирует с помощью всевозможных реформистских тактик классовые противоречия. Тем самым ему удалось сохранить в большинстве промышленно развитых стран прежние социальные отношения, лишаящие социалистическое общество необходимой ему материальной базы. Напротив, развивающиеся страны и колонии, активно включившиеся за последнее десятилетие в борьбу с империализмом, добились значительных успехов, которые обостряют свойственные капиталистической экономике противоречия и — особенно в Китае — благоприятствуют обновлению революционного движения. Как в капиталистических, так и в антикапиталистических странах это обновление не может сводиться к реформам. Наоборот, оно

должно разжечь конфликты, которые поставят вопрос о власти.

Раздробленность современной культуры есть результат хаотичного обострения этих антагонизмов на поле идеологической борьбы. Вновь определяющиеся желания формулируются в невесомости: современные ресурсы позволяют их осуществить, однако устаревшая экономическая структура не в состоянии использовать эти ресурсы. В то же время идеология правящего класса утратила всякую связность: все ее прежние воззрения на мир одно за другим обесценились, и она вплотную подошла к историческому индетерминизму; в ней сосуществуют по природе враждебные друг другу реакционные идеи разных времен, как, например, христианство и социал-демократия; в нее подмешиваются без разбора вклады цивилизаций, чуждых современному Западу, но с некоторых пор считаемых им ценными. Главная идеологическая цель господствующего класса — посеять путаницу.

В культуре (употребляя это слово, мы оставляем за рамками его научные и педагогические аспекты, хотя путаница, очевидно, чувствуется и на уровне больших научных теорий и общих педагогических концепций; здесь под культурой понимается совокупность эстетики, чувств и нравов — реакция эпохи на повседневную жизнь) контрреволюционные тактики, смешивающие все и вся, подразумевают вместе с тем частичное поглощение новых ценностей и решительно антикультурное производство

средствами крупной индустрии (роман, кино), естественно продолжающее оболванивание молодежи в школах и семьях. Господствующая идеология банализирует подрывные открытия и пускает их в стерилизованном виде в широкое распространение. Ей удается поставить себе на службу сами личности подрывников: умерших — за счет переименования их творений; живых — за счет общей идеологической путаницы, сопрягая то, чем они занимаются, с какой-нибудь из ходячих мистических причуд.

Таким образом, одно из противоречий буржуазии на этапе ее разложения заключается в уважении к принципу интеллектуального и художественного творчества: сначала она сопротивляется его произведениям, а затем направляет их себе на пользу, поддерживает в меньшинстве дух критики и поиска, но замыкает его деятельность в пределах изолированных утилитарных дисциплин и в результате заводит в тупик критику и поиск в целом. В области культуры буржуазия стремится отвести опасный для нее сегодня вкус к новому в сторону второстепенных, безобидных и путаных новшеств. Под действием управляющих культурной деятельностью коммерческих механизмов авангардные течения отрезаются от групп — и без того ограниченных в силу общественных условий, — которые были бы готовы их поддержать. Представители этих течений, которым удастся обратить на себя внимание, могут рассчитывать на признание лишь как индивиды, ценой ряда необходимых отказов:

главным условием, которое перед ними ставят, всякий раз является отказ от общих требований и согласие на отрывочный труд, допускающий различные интерпретации. Именно это придает оттенок подозрительности и нелепости самому термину «авангард», за которым всегда в конечном счете обнаруживается воля буржуазии.

Представление о коллективном авангарде с воинствующим уклоном является недавним продуктом исторических условий, которые требуют выработки связной революционной программы в области культуры и в то же время борьбы с силами, мешающими осуществлению этой программы. Отдельные авангардные группировки сумели перенести в свою сферу деятельности некоторые организационные методы, выработанные революционной политикой, в результате чего их практика стала немыслима вне связи с политической критикой. В этом отношении очевиден прогресс на пути от футуризма к дадаизму и сюрреализму, а от них — к движениям, созданным после 1945 года. И все же на каждом из этих этапов мы видим ту же волю к всеобщим изменениям и то же стремительное дробление, как только неспособность достаточно радикально изменить реальный мир заставляет авангард уйти в оборону, заняв те самые доктринерские позиции, слабость которых он только что доказал.

Футуризм, распространявший влияние из Италии перед Первой мировой войной, стоял на позициях коренной трансформации литературы

и искусства, но, хотя эти позиции принесли целый ряд формальных новшеств, они были основаны на крайне схематичном понимании машинного прогресса. Наивный технический оптимизм футуристов растаял по истечении периода буржуазной эйфории, который его породил. Итальянский футуризм ска- тился в национализм, а затем и в фашизм, так и не придя к сколько-нибудь полному теоретическому видению своего времени.

Дадаизм, основанный в Цюрихе и Нью-Йорке беженцами и дезертирами Первой мировой войны, исходил из отказа от всех ценностей буржуазного общества, которое ярко продемонстрировало свою несостоятельность. Бурная послевоенная активность дадаистов в Германии и Франции была направле- на главным образом на разрушение основ искусства и литературы, а также, в меньшей степени, на пове- денческие опыты (спектакли, речи, намеренно неле- пые прогулки). Историческая роль дадаизма состоит в том, что он нанес смертельный удар традицион- ну пониманию культуры. Будучи всецело основано на отрицании, это движение неизбежно оказалось недолговечным, но очевидно, что дадаистский дух отчасти определил все последующие авангардные течения и что дадаистское по историческому проис- хождению отрицание будет заявлять о себе в любой созидательной позиции авангарда, пока не окажутся сметены социальные условия, которые вновь и вновь реставрируют прогнившие и исчерпавшие себя в ин- теллектуальном плане надстройки.

Создатели сюрреализма, которые участвовали во французском движении Дада, решили направить его бунтарский дух и нигилизм в отношении традиционных средств коммуникации на прокладку путей созидательного действия. Найдя поэтическое применение фрейдистской психологии, сюрреалисты распространили методы, разработанные ими в живописи и кино, на некоторые аспекты повседневной жизни, а затем — в рассеянной форме — и куда шире. В подобном начинании важна не столько степень его правоты, сколько то, что на определенный отрезок времени оно становится катализатором желаний своей эпохи. Период прогресса сюрреализма, отмеченный его враждебностью к идеализму и кратковременной смычкой с диалектическим материализмом, завершился вскоре после 1930 года, но его упадок стал очевиден лишь после Второй мировой войны, когда он успел проникнуть во множество стран. Кроме того, сюрреализм установил в своих рядах дисциплину, которая, пусть ее требования порой корректировались из коммерческих соображений, была эффективной мерой защиты от запутывающего влияния буржуазных механизмов.

В сюрреалистской программе с ее утверждением безусловного господства желания и удивления, с ее пропагандой новых способов использования жизни куда больше созидательных возможностей, чем обычно полагают. Нехватка материальных средств для их реализации, вне сомнения, существенно ограничила размах сюрреализма. Однако, учитывая

духовную непреклонность его первых представителей и, что еще более характерно, посредственность их эпигонов, причину недоразвития сюрреалистской теории следует искать в ее истоках.

Коренным заблуждением сюрреалистов была идея неисчерпаемого богатства бессознательно-го воображения. Причиной идеологического краха движения явилась его вера в бессознательное как наконец-то обретенную могучую жизненную силу: сюрреалисты пересмотрели историю идей, исходя из этой веры, и на том остановились. Но в конце концов оказалось, что бессознательное воображение бедно, автоматическое письмо монотонно, а все «необыкновенное» с узнаваемым сюрреалистическим оттенком более чем предсказуемо. Формальное следование этому стилю воображения приводит к традиционному оккультизму — диаметральной противоположности нынешних условий воображаемого. О том, насколько сюрреализм увяз в своей гипотезе бессознательно-го, можно судить по теоретическим работам второго поколения его адептов. Калас и Мабий* сводят все к двум аспектам сюрреалистической практики бессознательного: первый — к психоанализу, второй — к влияниям космоса. На самом деле открытие роли бессознательного само было неожиданностью и новшеством, а вовсе не законом будущих неожиданностей и новшеств. Фрейд понял это, когда написал:

* Николас Калас (наст. имя Никос Каламарис; 1907–1988) — греко-американский поэт, эссеист и критик. Пьер Мабий (1904–1952) — французский медик и писатель.

«Все сознательное изнашивается, тогда как бессознательное остается неизменным. Но, будучи высвобождено, не рушится ли и оно тоже?»

Противопоставляя себя очевидно иррациональному обществу, в котором разрыв между реальностью и упорно декларируемыми ценностями дошел до абсурдной крайности, сюрреализм направляет иррациональность против него, чтобы разрушить его поверхностную логику. Собственно, и успех сюрреализма во многом связан с тем, что идеология нашего общества в ее наиболее передовом выражении отказалась от строгой иерархии фактических ценностей и сама открыто пользуется иррациональностью, включающей отголоски сюрреализма. Главная задача буржуазии — не допустить нового взлета революционной мысли. Она осознала угрозу сюрреализма, и теперь, научившись растворять его в расхожей коммерческой эстетике, она спокойно рассуждает о том, до каких пределов хаоса он доходил в свое время. Тем самым буржуазия культивирует своеобразную ностальгию, параллельно дискредитируя любой поиск нового через его автоматическое сведение к сюрреалистскому дежавю, то есть к очевидной для всех неудаче. Ненависть к отчуждению в обществе христианской морали привела некоторых к культу такого же, пусть и насквозь иррационального, отчуждения в примитивных обществах — вот и все. Нужно идти вперед и продолжать рационализировать мир — это первое условие возможности вернуть в него чувства.

Двумя главными центрами так называемой современной культуры являются Париж и Москва. Одни моды, идущие из Парижа, но формируемые далеко не только французами, оказывают влияние на Европу, Америку, Японию и прочие развитые капиталистические страны. Другие моды, административно насаждаемые из Москвы, оказывают влияние на все государства трудящихся, лишь в слабой степени доходя до Парижа и зоны его престижа в Европе. Влияние Москвы — в основе своей чисто политическое. Сохраняющееся по сей день традиционное влияние Парижа объясняется высокой концентрацией в нем профессионалов.

Поскольку буржуазная мысль увязла в систематическом смещении всего и вся, а марксистская мысль подверглась в государствах трудящихся значительным искажениям, и на Западе, и на Востоке господствует консерватизм, особенно в области культуры и нравов. В Москве он открыто демонстрирует себя, воспроизводя типичные повадки мелкой буржуазии XIX века. В Париже он рядится в одежды анархизма, цинизма или юмора. Хотя обе доминирующие культуры решительно неспособны ответить на реальные вызовы нашего времени, можно сказать, что Запад продвинулся в этой области производства дальше, тогда как зона влияния Москвы выглядит здесь как слаборазвитый регион.

В буржуазной зоне, где в общем и целом допущена видимость интеллектуальной свободы, воз-

возможность следить за движением идей и замечать многочисленные трансформации среды позволяет людям осознавать происходящий переворот, хотя его движущие силы остаются для них неподконтрольными. Господствующая чувственность пытается приспособиться к этому положению, препятствуя новым переменам, которые для нее в конечном счете губительны. Инициативы ретроградных течений неизбежно сводятся к трем тактикам: либо продлевать моду на решения, принесенные кризисом дадаизма и сюрреализма (иначе говоря, на культурное выражение умонастроений, спонтанно проявляющихся везде и всюду по ходу крушения вслед за прежними образами жизни самих оснований для жизни, принятых ранее); либо ютиться в духовных руинах; либо, наконец, возвращаться далеко назад.

Из числа упорствующих мод особенно часто встречается ослабленный вариант сюрреализма. Он сохраняет все элементы сюрреалистического вкуса, будучи начисто лишен соответствующего идейного содержания. Его эстетика сводится к повтору. Дойдя до стадии старческого оккультизма, последние отпрыски ортодоксального сюрреалистического движения не способны ни занять какую-либо идеологическую позицию, ни даже придумать что бы то ни было. Они поддерживают все более вульгарное шарлатанство и призывают плодить его дальше.

Культурная тактика, состоящая в том, чтобы ютиться в ничтожестве, активно заявила о себе после окончания Второй мировой войны. Она

допускает выбор между двумя широко известными возможностями: скрывать ничтожество при помощи какого-нибудь заимствованного словаря или беззастенчиво его демонстрировать.

Первый вариант прославлен главным образом экзистенциалистской литературой, которая воспроизводит, приправив их поверхностной философией, самые затертые элементы культурной эволюции предшествующих тридцати лет и поддерживает интерес к себе, по существу основанный на рекламе, передергивая идеи марксизма или психоанализа, а также беспричинно выдвигая и так же беспричинно бросая всякого рода политические инициативы. Явно или скрыто практикующих подобные приемы великое множество. К тому же разряду относятся расплодившиеся во множестве абстрактные живописцы и теоретики их творчества.

Радостное утверждение полного духовного ничтожества иллюстрирует направление в нынешней неолитературе, именуемое «цинизмом молодых правых романистов»*. Впрочем, оно распространено и далеко за пределами правого фланга, романа и этой условной молодежи.

Среди тенденций, выступающих за возвращение к прошлому, самым отважным кажется социализм, который якобы опирается на опыт революционного движения, оправдывая этим абсолютно

* Вероятно, имеется в виду группа писателей, называвших себя «Гусарами»: Антуан Блонден, Жак Лоран, Мишель Деон и Роже Нимье (автор романа «Голубой гусар»).

несостоятельную позицию в области культурного творчества. Андрей Жданов так обосновывал свою теорию репрессий на совещании советских деятелей музыки в 1948 году: «Правильно ли мы сделали, что оставили сокровищницу классической живописи и разгромили ликвидаторов живописи? Разве не означало бы дальнейшее сохранение подобных „школ“ ликвидацию живописи?» Развитая западная буржуазия, пережив эту ликвидацию живописи наряду с многими другими ликвидациями и признав крушение всех систем ценностей, делает ставку на полный идеологический распад — из отчаяния и политического оппортунизма. А Жданов — наоборот, проявляя типичные вкусы выскочки, идентифицируется с мелкой буржуазией, несогласной с распадом культурных ценностей прошлого века, и ничтоже сумняшеся призывает реставрировать эти ценности авторитарными средствами. Он настолько оторван от действительности, что верит, будто локальные и эфемерные политические условия позволят уйти от общих проблем эпохи и как по команде вернуться к изучению старых вопросов, гипотетически отбросив все решения, которые в свое время уже нашла для них история.

По своей форме, а отчасти и по содержанию, к соцреализму близка традиционная пропаганда религиозных организаций, особенно католических. Католицизм отстаивает пропагандистскими средствами, в которые не вносятся никаких изменений, общую идеологическую структуру, которой

он — единственный из сил прошлого — по-прежнему обладает. Но, чтобы удерживать контроль над все более многочисленными секторами, которые ускользают от ее влияния, католическая церковь параллельно традиционной пропаганде пытается наложить руку на современные культурные формы, особенно на те из них, что тяготеют к теоретически усложненному ничтожеству, как, например, живопись в стиле «информель». Пожалуй, у реакционеров от католицизма есть преимущество перед другими буржуазными пропагандистами: опираясь на иерархию вечных ценностей, они легко и беззаботно доводят до крайней степени распада любую дисциплину, за какую бы ни взялись.

Идеологический распад — нынешний результат кризиса современной культуры. На ее руинах уже нельзя возвести ничего нового, и даже простейшая критическая мысль становится невозможной. Суждения наталкиваются друг на друга, на что бы они ни опирались — будь то обломки одной из общих систем, вышедших из употребления, или личные чувства автора.

Распад охватил все. Речь уже не идет о массивном влиянии коммерческой рекламы на представления о творчестве. Эта стадия ушла в прошлое: теперь идеологии нет, и реклама действует в одиночку, исключая всякую предварительную критику и допуская критическое суждение лишь в виде условного рефлекса. К общему удивлению профессионалов, система торговых стратегий автоматически

продуцирует псевдосюжеты для дискуссий о культуре. Важным социологическим свидетельством об этом стал феномен Саган-Друз* — эксперимент, успешно проведенный за последние три года во Франции и отозвавшийся даже за пределами культурной зоны с центром в Париже, вызвав интерес в государствах трудящихся. Для профессиональных обозревателей культуры этот феномен стал удивительным результатом действия непонятных им механизмов, и в основном они видят в нем использование приемов цирковой рекламы. Но профессия вынуждает их противопоставлять этим фантомным произведениям столь же фантомную критику (впрочем, произведение, вызывающее необъяснимый интерес, является для любящей путаницу буржуазной критики более чем благодатной темой). Им решительно неведом тот факт, что интеллектуальные механизмы критики ускользнули от них задолго до того, как за освоение образовавшейся пустоты взялись механизмы внешние. Критики запрещают себе видеть в феномене Саган-Друз смехотворную изнанку превращения выразительных средств в средства воздействия на повседневность. В результате этого процесса жизнь автора стала неуклонно возрастать в значении по сравнению с его произведениями, и вот роль последних сократилась до минимума,

* Имеется в виду шумный успех двух дебютов юных литературных дарований: романа восемнадцатилетней Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть» (1954) и сборника стихов десятилетней Мину Друз «Мой друг дерево» (1957).

сохранив какую-то важность лишь за персонажем самого автора, да и то исчерпывающуюся его возрастом, модной порочностью и экзотическим занятием.

Противодействие, которое мы должны сплоченно оказать идеологическому распаду, не может сводиться к критике буффонады в отживших свой век формах вроде поэзии или романа. Нужно критиковать ту деятельность, которая отражается на будущем и которую мы должны поставить себе на службу. Серьезнейший признак нынешнего идеологического распада заключается, например, в том, что на самых реакционных представлениях об обществе и морали основывается функционалистская теория архитектуры: в ценные, хотя и переходные достижения Баухауса и школы Ле Корбюзье контрабандой проникло крайне отсталое представление о жизни и среде обитания.

Однако всё с 1956 года указывает на то, что мы переходим на новую стадию борьбы и что натиск революционных сил, на всех фронтах наталкиваясь на безнадежные препятствия, меняет условия предшествующего периода. В то же время в странах антикапиталистического лагеря соцреализм начинает сдавать позиции вместе с породившей его сталинской реакцией. Культура Саган-Друэ обозначила последнюю — возможно, непреодолимую — ступень буржуазного упадка. Наконец-то на Западе намечается относительное понимание того, что уловки, которыми культура пользовалась после Второй мировой войны, исчерпали себя. Поэтому авангардистское

меньшинство может вновь приобрести позитивное значение.

Роль миноритарных тенденций в период спада

За спадом мирового революционного движения, который начался вскоре после 1920 года и углублялся вплоть до конца 1940-х, последовал — с отставанием в пять-шесть лет — аналогичный спад активности художественных направлений, пытавшихся утвердить освободительные новшества в культуре и повседневной жизни. Их идеологическое и материальное значение неуклонно уменьшалось, пока они не дошли до полной изоляции от общества. Деятельность этих направлений, которая в более благоприятных условиях могла бы повлечь за собой внезапное обновление аффективного климата, ослабла настолько, что консервативные силы сумели перекрыть ей всякий доступ к неравной игре официальной культуры. Окончательно лишившись участия в производстве новых ценностей, авангардисты превратились в резервную армию интеллектуального труда, откуда буржуазия может рекрутировать индивидов, способных добавить к ее пропаганде налет оригинальности.

Находясь в столь жалком положении, экспериментальный авангард оказывается куда менее важен для общества, чем псевдомодернистские течения, которые не проявляют ни малейшей воли к переменам, а лишь обеспечивают всеми доступными средствами современную внешность принятой

культуры. Однако все те, кто причастен к реальному производству современной культуры и чувствует свою заинтересованность в качестве ее производителей, тем большую оттого, что они сведены к позиции нигилистов, приходят к выводам, которые незнакомы модернистам-комедиантам агонизирующего общества. Убожество принятой культуры в сочетании с ее монополией на средства культурного производства обрекает на равное убожество теории и практики авангарда. Но не иначе как в авангарде незримо зреет новая, революционная концепция культуры. Эта новая концепция утвердится тогда, когда господствующая культура и зачатки культуры оппозиционной достигнут максимальной оторванности друг от друга и максимального бессилия.

Таким образом, история современной культуры в период революционного спада — это история теоретического и практического ослабления движения, добывающегося перемен, вплоть до его раздробления на миноритарные тенденции и безусловной победы распада.

В период между 1930 годом и началом Второй мировой войны неуклонный упадок сюрреализма в качестве революционной силы сопровождался расширением его влияния, которое он уже не мог контролировать. После войны сюрреализм быстро погиб под действием двух факторов, сковавших его развитие уже к 1930 году: одним из этих факторов явилось отсутствие возможностей для теоретического обновления, а другим — остановка революции, выразив-

шаяся в политической и культурной реакции внутри рабочего движения. Прямым следствием второго фактора стало, в частности, исчезновение сюрреалистской группы в Румынии. А первый фактор обрек на быстрый развал сюрреалистское революционное движение во Франции и Бельгии. Только в Бельгии фракция, вышедшая из сюрреализма, удержалась на экспериментальном поле; все прочие разрозненные сюрреалистские течения примкнули к лагерю мистического идеализма.

Между 1949 и 1951 годами сюрреалисты Дании, Голландии и Бельгии объединились в революционное течение «Интернационал художников-экспериментаторов» и начали выпускать журнал «Кобра» (акроним из первых букв названий городов: Копенгаген, Брюссель, Амстердам). Это течение проникло и в Германию. Его достоинство состоит в понимании того, что сложность и размах существующих проблем требует жесткой организации. Однако недостаток идеологической строгости, преимущественное внимание к пластическому искусству, а, главное, отсутствие общей теории, описывающей условия и перспективы практики, привели эту группу к распаду.

Французский леттризм вышел из оппозиции всей эстетической сцене, пронизательно констатируя ее неизбежное движение к гибели. Задавшись целью непрерывно создавать новые формы во всех областях, в 1946–1952 годах леттристская группа поддерживала спасительную активность.

Но поскольку ее члены сходились в том, что эстетические дисциплины должны найти новую опору в некоей общей среде, аналогичной среде старого искусства, это идеалистическое заблуждение свело результаты их практики к смехотворному минимуму. В 1952 году левые леттристы размежевались с отсталой частью движения и организовали Леттристский интернационал, в котором путем острой борьбы мнений начался поиск новых методов вмешательства в повседневную жизнь.

В Италии попытки создания авангардных движений на старых художественных основах провалились уже на стадии теоретической разработки. Единственным исключением стала экспериментальная антифункционалистская группа, сформировавшая в 1955 году самое солидное представительство в Международном движении за имажинистский Баухаус.

Тем временем в остальном мире от США до Японии процветало самое что ни на есть вульгарное эпигонское подражание западноевропейскому искусству (авангардисты США, взявшие в привычку ориентироваться на американскую колонию в Париже, загнали себя в идеологическую, социальную и даже экологическую изоляцию зауряднейшего конформизма). Произведения народов, которые остаются жертвами культурного колониализма, часто продиктованного политическим давлением, неизбежно приобретают в передовых культурных центрах реакционную роль — даже если для своих

стран они прогрессивны. Критики, связавшие свою карьеру с копанием в отживших творческих системах, притворяются, будто находят для себя нечто новое в греческом кино или гватемальском романе. Тем самым они обращаются к экзотизму, который, с одной стороны, антиэкзотичен, ибо речь идет о запоздалом освоении старых форм в других странах, а с другой — сохраняет основную функцию экзотизма, уводя от реальных условий жизни и творчества.

Из того, что делается в государствах трудящихся, только берлинский опыт Брехта, который подверг пересмотру классическое представление о спектакле, сродни конструкциям, важным для нас сегодня. Брехт — единственный, кому удалось противостоять глупости официального социалистического реализма.

Сегодня, когда социалистический реализм разлагается, вполне ожидаем революционный бросок интеллектуалов государств трудящихся в сторону подлинных проблем современной культуры. Хотя ждановщина свидетельствовала не только о культурном вырождении рабочего движения, но и о консерватизме буржуазной культуры, те, кто сейчас на Востоке выступает против ждановщины, не должны направлять свой протест — каковы бы ни были их субъективные намерения — на достижение некоей большей творческой свободы в духе, допустим, Кокто. Надо понимать, что объективный смысл отрицания ждановщины — это отрицание ждановского отрицания «ликвидации». Единственным возможным

преодолением ждановщины является опыт реальной свободы, заключающийся в познании текущей необходимости.

В этом смысле прошедшие годы были в лучшем случае периодом смутного сопротивления смутному господству ретроградного вздора. Нам удалось не много, но мы не должны задерживаться на своих пристрастиях и мелких достижениях этого периода. Проблемы созидания культуры могут быть разрешены лишь в связке с новым подъемом мировой революции.

Платформа временной оппозиции

Революционная деятельность в культуре не может иметь целью отражение или объяснение жизни — она должна расширять жизнь. Нужно всюду отторгнуть несчастье. Революция не сводится к вопросу о том, какого уровня производства достигла тяжелая промышленность и кто будет ее хозяином. Вместе с эксплуатацией человека должны умереть порожденные ею чувства, компенсации и привычки. Нужно определить новые желания исходя из сегодняшних возможностей. Нужно уже сейчас, на пике борьбы между современным обществом и силами, стремящимися его разрушить, искать первоосновы построения новой среды и новых условий поведения — путем опыта и пропаганды. Все прочее принадлежит и служит прошлому.

Нужно немедленно организовать коллективную работу, призванную объединить все средства

преобразования повседневной жизни. Иначе говоря, мы должны прежде всего осознать взаимосвязь этих средств в деле достижения более полного господства над природой и наибольшей свободы. Мы должны создавать новые атмосферы, которые будут одновременно продуктами и орудиями нового поведения. Для этого нужно использовать эмпирически, как таковые, повседневные действия и существующие культурные формы, оспаривая за ними всякую собственную ценность. Критерий новизны, формального изобретения утратил смысл в традиционных рамках искусства — частичного и недостаточного средства, чьи фрагментарные подновления заведомо несовременны, а значит, попросту невозможны.

Мы должны не отказаться от современной культуры, а овладеть ею, чтобы подвергнуть ее отрицанию. Нельзя быть революционным интеллектуалом, не признавая неизбежности культурной революции. Чтобы быть революционером, творческому интеллектуалу недостаточно поддерживать политику партии, пусть и сколь угодно оригинальными средствами: он должен заодно с партийцами работать над необходимыми изменениями всех культурных надстроек. Так же и буржуазного интеллектуала определяет в конечном счете не социальное происхождение и не знание определенной культуры как общей точки отсчета критики и творчества, а роль в производстве буржуазных по своей исторической сути форм культуры. Если буржуазная литературная критика поддерживает писателей, стоящих на

революционных позициях, им стоит задуматься о допущенных ошибках.

Объединение нескольких экспериментальных движений в революционный культурный фронт, начавшееся на конгрессе в Альбе, в Италии, в конце 1956 года, предполагает, что мы принимаем в расчет три важных фактора.

Прежде всего, необходимо требовать полного согласия между участниками этого единого действия — отдельными людьми и группами, — не допуская послаблений, скрывающих внутренние противоречия. От бездумных остряков и карьеристов, стремящихся примкнуть к движению без серьезных оснований, лучше держаться подальше.

Кроме того, необходимо помнить, что, хотя любой настоящий эксперимент по-своему ценен, этим словом часто злоупотребляют, пытаясь оправдать с его помощью художественное действие в уже существующих, то есть найденных другими, формах. Подлинный эксперимент должен основываться на прицельной критике существующих условий и их решительном преодолении. Нужно раз и навсегда постановить, что личное самовыражение при помощи средств, созданных другими, не может называться творчеством. Творчество — это не размещение предметов и форм в пространстве, а изобретение новых законов такого размещения.

И, наконец, необходимо искоренить в нашей среде сектантство, которое мешает объединению для достижения поставленных целей с возможными союзниками, исключаящему создание параллельных ор-

ганизаций. В 1952–1955 годах Леттристский интернационал, пройдя несколько этапов очищения, встал на путь крайней строгости, ведущий к полной изоляции и бездействию, надолго застопоривший движение и загубивший в нем дух критики и открытия. Нужно решительно отбросить это сектантское поведение в пользу реальной деятельности. Это единственный критерий, исходя из которого мы должны пополнять и очищать наши ряды. Естественно, это не означает отказа от расколов, к которому все нас призывают. Напротив, мы считаем, что разрыв с некоторыми обычаями и людьми должен быть только углублен.

Мы должны коллективно выработать нашу программу и планомерно осуществлять ее всеми средствами, включая художественные.

К Ситуационистскому интернационалу

Наша главная идея — это конструирование ситуаций, то есть создание моментальных жизненных атмосфер и их претворение в высшее чувственное качество. Мы должны систематически вмешиваться в жизнь, используя комплексный потенциал двух постоянно взаимодействующих элементов: материальных декораций жизни и поведенческих актов, которые обусловлены этими декорациями и направлены на их трансформацию.

Намеченные нами пути воздействия на декорации жизни складываются в концепцию унитарного урбанизма. Во-первых, унитарный урбанизм

основан на применении всей совокупности существующих искусств и техник в качестве средств, содействующих всестороннему формированию среды. Следует осознать, что эта совокупность бесконечно шире как старой системы традиционных искусств, над которыми господствовала архитектура, так и нынешней системы специализированных техник и научных исследований вроде экологии, к которым беспорядочно обращается анархический урбанизм. Так, унитарный урбанизм должен властвовать и над звуковой средой, и над распределением различных пищевых продуктов и напитков. Он должен охватить всю область создания новых форм и перенаправления [détournement] существующих форм архитектуры и урбанизма, а также поэзии и кинематографа. Синтетическое искусство, о котором столько говорилось*, может быть реализовано только на уровне урбанизма и вне соответствия какому-либо из традиционных определений эстетики. Унитарный урбанизм будет создавать экспериментальные города из ряда силовых полей, которые мы можем временно обозначить классическим термином «квартал». Каждый квартал будет стремиться к свойственной только ему гармонии, расходящейся с гармонией соседей, или основываться на стремлении никакой внутренней гармонии не допустить.

Во-вторых, унитарный урбанизм динамичен, то есть тесно связан со стилями поведения. Мини-

* Имеется в виду восходящая к Вагнеру концепция тотального или всеобъемлющего произведения искусства, Gesamtkunstwerk.

мальный элемент унитарного урбанизма — это не дом, а архитектурный комплекс как объединение всех факторов, определяющих некую атмосферу или серию не смешивающихся атмосфер в рамках сконструированной ситуации. При освоении пространства должны учитываться аффективные реакции, порождение которых является задачей экспериментального города. Один из наших товарищей выдвинул теорию кварталов как состояний души, согласно которой каждый городской квартал должен вызывать какое-либо простое чувство, которому индивид будет поддаваться, понимая его причины. Думается, эта теория логически следует из процесса обесценивания элементарных случайных чувств, и ее реализация может ускорить этот процесс. Товарищи, выступающие за новую — свободную — архитектуру, должны понимать, что эта архитектура будет основываться не столько на линиях и формах, свободных или поэтичных в том смысле, в каком используют сегодня эти слова приверженцы «лирической абстракции», сколько на эффектах атмосферы комнат, коридоров, улиц — атмосферы, связанной с жестами, которые она вбирает в себя. Архитектура должна двигаться вперед, используя в качестве материала скорее волнующие ситуации, чем волнующие формы. Эксперименты над этим материалом приведут ее к формам пока неизвестным. Таким образом, психогеографическое исследование — «изучение законов географической среды, сознательно организованной или нет, и ее

непосредственного воздействия на аффективное поведение индивидов» — приобретает двойной смысл активного наблюдения за сегодняшними городскими агломерациями и выдвижения гипотез о структуре ситуационистского города. Для развития психогеографии важно статистическое распространение таких методов наблюдения, но еще важнее — конкретные вмешательства в урбанизм. Без них мы не можем оценить объективную верность первичных психогеографических данных. Однако даже если эти данные окажутся неверными, они будут лишь неверными решениями верной задачи.

Наше воздействие на поведение, сопряженное с другими желательными аспектами революции нравов, можно приблизительно определить как изобретение игр нового типа. Самая общая цель здесь — расширить незаурядную долю жизни, по возможности свести в ней к минимуму бессодержательные моменты. Таким образом, можно говорить о попытке количественного приумножения человеческой жизни, более весомого, чем то, которого ищут современные биологические исследования. Как таковое оно подразумевает и качественный шаг вперед, результаты которого непредсказуемы. Ситуационистская игра отличается от игры в классическом представлении радикальным неприятием условных игровых персонажей и обособления от текущей жизни. Наоборот, ситуационистская игра смыкается с моральным выбором — выбором в пользу всего, что приближает будущее царство свободы и игры. Этот

выбор естественно связан с осознанием постоянного и стремительного роста сферы досуга на том уровне производительных сил, которого достигла наша эпоха. А еще он связан с осознанием разворачивающейся у нас на глазах битвы за досуг, значение которой в общей классовой борьбе явно недооценивается. Сегодня господствующему классу удастся обратить досуг, вырванный у него из рук революционным пролетариатом, себе на пользу, развивая обширную индустрию развлечений — безотказное орудие оболванивания пролетариата суррогатами мистифицирующей идеологии и вкусов буржуазии. В изобилии распространяемых телевидением убожеств следует, вероятно, усмотреть одну из причин неспособности к политизации американского рабочего класса. Добиваясь коллективными усилиями незначительного повышения стоимости своего труда над минимумом, необходимым для его совершения, пролетариат не только получает больше сил для борьбы, но и расширяет ее территорию. Тогда борьба приобретает новые формы, уже не ограничивающиеся прямыми экономическими и политическими конфликтами. Донедавне эти новые формы — там, где развитие промышленности сделало их возможными, — можно сказать, сводились к революционной пропаганде. Но опыт XX века, к несчастью, неоднократно продемонстрировал, что необходимые изменения базиса могут быть задержаны ошибками и недоработками на уровне надстройки. Нужно бросить новые силы на борьбу за досуг, и мы намерены в ней участвовать.

Начальным опытом создания нового способа поведения стало то, что мы называли дрейфом, — практика чувственной миграции путем быстрого перемещения по различным атмосферам, а также исследовательское орудие психогеографии и ситуационистской психологии. Но воля к игровому творчеству должна распространиться на все известные формы человеческих отношений и, в частности, оказывать влияние на историческое развитие таких чувств, как дружба и любовь. Так или иначе, гипотеза конструирования ситуаций является смысловым ядром нашего поиска.

Жизнь человека — это последовательность непредвиденных ситуаций, и хотя ни одна из этих ситуаций не совпадает полностью ни с одной другой, в подавляющем большинстве все они настолько обыкновенны и бесцветны, что складывается ощущение их полного единообразия. В таких обстоятельствах лишь редкие, захватывающие ситуации в отдельно взятой жизни вбирают в себя эту жизнь и на ней отражаются. Нам нужно пробовать конструировать ситуации, то есть создавать коллективные атмосферы, совокупности впечатлений, определяющие качество момента. Возьмем простой пример — собрание группы индивидов в течение определенного времени. Исходя из знаний и материальных средств, которыми мы располагаем, нам нужно установить, какая организация пространства, какой подбор участников и какой план событий создадут для этого собрания благоприятную атмосферу. Безуслов-

но, возможности ситуации во времени и пространстве значительно расширятся, когда начнут осуществляться проекты унитарного урбанизма и заявит о себе поколение, воспитанное в духе ситуационизма. Начало конструирования ситуаций совпадает с происходящим сегодня крушением понятия спектакля. Легко увидеть, до какой степени сам принцип спектакля — невмешательство — связан с присущим старому миру отчуждением. Наиболее сильные революционные опыты в области культуры, напротив, неизменно стремились разорвать психологическую идентификацию зрителя с героем, побудить зрителя к действию, активизируя его способности преобразить свою жизнь. Ситуация в нашем понимании должна проживаться своими конструкторами, а роль «публики» — пассивной или в лучшем случае второстепенной — неуклонно уменьшаться по мере возрастания роли тех, кого следует называть уже не актерами, а *живущими* в полном смысле этого слова*.

Нужно, скажем так, умножать число поэтических объектов и субъектов, которые в наши дни, увы, настолько редки, что, даже будучи самыми неизвестными, приобретают огромное аффективное значение. Нужно организовывать игры поэтических субъектов среди поэтических объектов. Вот и вся наша программа, принципиально временная. Наши

* Ги Дебор говорит здесь о *viveurs* в новом смысле этого слова. В «старом» смысле слова *viveur* — существительное, простейшим способом образованное от глагола *vivre* (жить) и рифмующееся с *acteur* (актер, действующее лицо), — обозначает во французском языке кутилу, проживателя жизни.

ситуации не имеют будущего, они — места перехода. Незыблемое искусство, как и все прочие неизменные вещи, не входит в наши намерения, ибо они серьезны. Идея вечности — самая глупая из идей, которые только может применить к своим действиям человек.

Ситуационистские техники еще предстоит разработать. Но мы знаем, что задача встает тогда, когда уже имеются или, по крайней мере, формируются необходимые для ее решения материальные условия. Нам придется начать с приблизительной экспериментальной работы. Нужно готовить планы — или сценарии — ситуаций, при всем их неизбежном несовершенстве на первых порах. Нужно развивать систему условных обозначений, которые будут уточняться по мере пополнения наших знаний на опыте. Нужно устанавливать новые законы и проверять уже существующие, как, например, тот, согласно которому ситуационистская эмоция требует максимальной концентрации или, наоборот, рассеянности жестов (первому случаю приблизительно соответствует классическая трагедия, а второму — дрейф). Помимо использования точных средств для достижения точных целей конструирование ситуаций на стадии своего формирования требует постановки новых задач для техники репродукции. Например, можно разработать телевизор, в реальном времени проецирующий элементы одной ситуации на другую и тем самым порождающий новые ситуационные комбинации и модификации. Или, что проще, можно сделать так называемую

кинохронику достойной своего имени, создав новую школу документального кино, которое фиксировало бы для ситуационистского архива наиболее существенные моменты ситуации, пока она не уступила место другой ситуации в результате развития своих элементов. Поскольку целью систематического конструирования ситуаций является производство неведомых прежде чувств, кино может сыграть важную педагогическую роль, распространяя эти новые чувства среди людей.

Ситуационистская теория твердо привержена концепции прерывности жизни. Понятие *единства* конкретной жизни — реакционная мистификация, основанная на вере в бессмертие души и в конечном счете на разделении труда, — должно быть отброшено в пользу понятия *единицы* жизни, ее отдельного мгновения, которое в каждом конкретном случае требует конструирования *объединенными* силами всех средств ситуационизма*. Следует ожидать, что в бесклассовом обществе не будет живописцев, но будут ситуационисты, занимающиеся живописью наряду со всеми прочими искусствами.

После вечного конфликта между желанием и враждебной ему реальностью важнейшей аффективной драмой в жизни человека является,

* С помощью курсива мы передаем более очевидную в оригинале смысловую динамику: Ги Дебор говорит о переносе акцента в понятии *unité*, которое может обозначать по-французски как единство, так и единицу, с первого на второе значение, и затем связывает с этим вторым значением свое определение урбанизма — *unitaire* (унитарный, объединенный).

вероятно, ощущение скоротечности времени. Ситуационистская позиция заключается в том, чтобы сделать ставку на бег времени, а вовсе не на эстетические потуги увековечить эмоцию. Вызов ситуационистов непостоянству эмоций и времени — это пари на еще большее непостоянство, решимость не останавливаться в игре и умножении волнующих моментов. Очевидно, в настоящее время нам не легко выиграть подобное пари. Тем не менее, пусть даже мы тысячу раз проиграем, выбора — то есть другой прогрессивной позиции — у нас нет.

Ситуационистское меньшинство образовалось как уклон в левом крыле леттристов, затем возобладавший в Леттристском интернационале. Направлявшее его объективное движение привело к аналогичным взглядам и несколько недавно образовавшихся авангардистских групп. Вместе мы обязаны уничтожить пережитки прошлого. Сегодня мы считаем, что революционный авангард в культуре должен действовать единым фронтом, опираясь на изложенную программу. У нас нет проверенных рецептов, мы еще не добились прочных результатов. Мы лишь предлагаем вести коллективный экспериментальный поиск в нескольких направлениях, как уже определенных нами, так и еще ожидающих определения. Сама трудность реализации первых ситуационистских проектов доказывает, что мы вступаем в совершенно новую область. То, что меняет наше восприятие улиц, важнее того, что меняет наше восприятие живописи. Наши рабо-

чие гипотезы будут пересматриваться при каждом изменении в будущем, откуда бы оно ни пришло.

Мы наверняка услышим — особенно от тех интеллектуалов и революционных художников, которые из соображений вкуса привыкли к некоторой беспомощности, — что «ситуационизм» малопривлекателен, что мы не создали ничего красивого, что лучше поговорить о Жиде, а интересоваться нашей деятельностью нет никаких причин. Они будут уходить от разговора, упрекая нас в повторении уже испробованных жестов, в которых остался один дешевый скандал, элементарное привлечение внимания к себе. Они будут возмущаться приемами, которые мы в некоторых случаях сочли необходимым использовать, чтобы подтвердить или обозначить наше расхождение с противниками. Заранее отвечаем: важен не ваш интерес к нам, а ваша собственная способность вызвать к себе интерес в новых условиях культурного творчества. Ваша задача как революционных интеллектуалов и художников состоит не в том, чтобы кричать о поругании свободы, когда мы отказываемся маршировать в одном строю с ее врагами. Не нужно подражать буржуазным эстетам, которые всё пытаются свести к уже созданному, потому что уже созданное не вызывает вопросов. Вы знаете, что чистого творчества не бывает. Ваша задача — узнать, чем занимается интернациональный авангард, принять участие в конструктивной критике его программы и призвать к ее поддержке.

Наши непосредственные задачи

В контакте с рабочими партиями или с радикальными течениями в этих партиях мы должны вести последовательную идеологическую работу, направленную на противодействие влиянию развитой капиталистической пропаганды в области чувств. Пользуясь любой предоставляющейся возможностью, мы должны противопоставлять имитации капиталистического существования другие формы жизни, отвечающей желаниям человека. Мы должны пустить все гиперполитические средства на разрушение идеи буржуазного счастья. В то же время, понимая, что в господствующем классе общества всегда имеются элементы, которые — из скуки и потребности в новизне — способствуют исчезновению этого общества, мы должны стимулировать людей, обладающих средствами, которых нет у нас, к предоставлению этих средств нам для реализации наших проектов путем кредитов, аналогичных тем, которые выделяются на научные исследования, и в такой же мере рентабельных.

Мы должны как можно шире пропагандировать революционную альтернативу господствующей культуре. Мы должны координировать все исследования, ведущиеся в настоящее время без какого-либо общего плана. Мы должны привлекать к сотрудничеству с нами в перспективе объединенного действия самых передовых художников и интеллектуалов всего мира с помощью критики и пропаганды.

Мы должны заявить о нашей готовности возобновить дискуссию на базе изложенной программы со всеми, кто принимал участие в нашей деятельности на предыдущем этапе и мог бы снова к нам примкнуть.

Мы должны распространять лозунги унитарного урбанизма, экспериментального поведения, гиперполитической пропаганды и конструирования атмосфер. Довольно толковать существующие чувства: настало время искать новые.

Предисловие к книге, задуманной Ральфом Рамни*

Мы сами создаем историю культуры, но не произвольно, а исходя из существующих условий. Городская цивилизация — это недавнее творение капитализма, и идеологический климат, характерный для буржуазного режима, культура которого представляет собой инструмент господства и вместе с тем суррогат уничтоженной в качестве орудия бегства от реальности религии, до сих пор не позволял извлечь все выводы из этих совершенно новых по существу условий. Необходимость теоретического описания возможностей, исчезающих и открывающихся в результате мутации нашей окружающей среды, должна лежать в основе любого экспериментального поиска художественной практики, соответствующей продуктивному духу нынешнего времени. Одним из таких путей создания атмосферы, которую начинают называть ситуационизмом, является психогеография.

На исходе XVIII века Лондон, обогнав другие города Европы в процессе концентрации производства, достиг стадии развития, повлекшей за собой качественный скачок в образе жизни его жителей. Именно в Лондоне той эпохи мы обнаруживаем за-

* Текст написан в сентябре 1957 года и опубликован посмертно. Ральф Рамни готовил психогеографическое исследование Венеции, которое должно было выйти в свет в июне 1958 года.

фиксированное средствами художественной литературы зарождение проблематики, очерчивающей объективную территорию эмоционального урбанизма, в котором впервые заявляет о себе чувствительность совершенно особого рода. История любви Томаса де Квинси и бедной девушки Анны, случайно разлучившихся и тщетно искавших друг друга — «в огромных лабиринтах Лондона; быть может, нас разделяло всего несколько футов...»*, — знаменует собой исторический момент осознания психогеографического воздействия на динамику человеческих страстей. Ее значение в этом плане сравнимо лишь с легендой о Тристане, которая отразила формирование представления о любви-страсти.

Промышленная революция меняла в тот период все условия человеческого существования, и личная судьба, освобожденная от сверхъестественных иллюзий и попросту определенная во Франции — в ходе экспериментирования буржуазии с властью — в качестве «политики», уже угадывалась в материальном окружении, которое создавал для себя человек, и в соответствующих этому окружению общественных взаимоотношениях.

Власть человека над природой неизмеримо выросла, и в то же время большинству людей оказалось навязано тяжелейшее положение: в новаторской

* Здесь и далее «Исповедь...» Т. де Квинси цитируется (с изменениями) по переводу под ред. Н. Дьяконовой: *Де Квинси Т. Исповедь англичанина, любителя опиума: автобиографическая проза. Эссе.* М.: Эксмо, 2011. С. 84, 101–103.

культуре сочетание двух этих явлений выражается через все более острое противоречие между утверждением огромных возможностей чувств и засильем нигилизма. У Томаса де Квинси эти типичные тенденции еще смягчались обращением к классическому гуманизму, который поэты и художники следующего века подвергли чем дальше, тем более радикальному разрушению. Тем не менее Квинси следует признать безусловным предвестником психогеографического дрейфа, читая, как он — в период между 1804 и 1812 годами — бродит по Лондону, всегда в той или иной степени рассчитывая найти Анну и вглядываясь «во многие *мирады* женских лиц». И далее: «...я часто, приняв опиум, блуждал по городу в субботний вечер, равнодушный к направлению и расстоянию... в честолюбивых попытках отыскать некий *северо-западный проход*^{*}, я, вместо того чтобы плыть вокруг мысов и полуостровов, как на пути вперед, вдруг попадал в... лабиринты аллей... Порою почти уверен был я, что являюсь первооткрывателем этих *terrae incognitae*, и сомневался, отмечены ли они на современных картах Лондона».

В настоящее время мы рассматриваем психогеографию и дрейф как временные методически определенные дисциплины, призванные опробо-

* Томас де Квинси сравнивает свои блуждания с поисками Северо-Западного прохода — морского пути из Атлантического океана в Тихий через Канадский Арктический архипелаг и Северный Ледовитый океан (Северо-Западный проход был впервые успешно пройден экспедицией Руаля Амундсена в 1903–1906 годах). Ниже подобную аллюзию повторяет и Ги Дебор.

вать некоторые способы построения атмосферы, а также формы нового — ситуационистского — поведения. По нашему мнению, центральной проблемой психогеографии является передача результатов, пусть на первый взгляд смехотворных: именно это связывает ее с архитектурой, которую нам еще предстоит создать. Когда мы начинали заниматься дрейфом, многих из нас эта практика увлекала более непосредственно, чем сейчас. Возможно, тогда в ней содержалась немалая доля иррациональности, ожидание того, что перед нами откроется некий психогеографический Большой проход, за которым мы научимся играть в новую игру — приключение всей нашей жизни*. Нас воодушевляли поразительные перемены, которым дрейф очень быстро подверг человеческое поведение. Так или иначе, мне кажется, что этот эмоциональный опыт способен проложить путь к подлинно научному познанию, которое в свою очередь можно будет использовать в более масштабной ситуационистской деятельности согласно схеме, предложенной Асгером Йорном, который определил психогеографию как «научную фантастику урбанизма». Йорн пишет: «Только благодаря воображению

* Иначе говоря, в контексте нынешнего отчуждения овнешние людей, как известно, обращается против них. Современное искусство остановилось в развитии в результате атрофии произведения (невозможности предпринять масштабный проект по причине отсутствия материальных средств и атомизации индивидуальных действий) и его распада на фрагменты (товары). Создавая новое поле действия — неизбежно иллюзорное в силу натиска на него со стороны всех прочих полей, — мы стремимся лишь к чисто игровой объективации, к тому, чтобы смотреть на себя самих в мире, который мы создали. — *Примеч. авт.*

объект становится достаточно интересным для анализа, тогда как анализ лишает его способности будить воображение. Однако новая комбинация объекта и результатов анализа может образовать базу для нового воображения».

Ломая все устоявшиеся структуры общественной жизни, развитие производительных сил стремится открыть трехмерную среду на месте *закрытого пространства*, где игра, как и всякое протекание чувств во времени, ютилась в формах предшествующих цивилизаций. Ограниченной сфере средневекового обмена, в которой люди и их чувства жили и умирали, не сходя со своего места, соответствовала верность — главная из феодальных добродетелей. Ускорение нашей эпохи, раздираемой антагонизмами распадающегося общества, находит аффективное выражение в пристрастии к высокоскоростным автомобилям, которое психологически компенсирует конформистскую трусость, усваиваемую в виде условных рефлексов с юности, но также и в чувстве дрейфа, которое на данный момент следует отнести к разряду революционных.

Крупные промышленные города полностью изменили наши пейзажи, включая и карту Нежности*. Нам нужно взять на себя роль строителей нового мира. Опыты психогеографических карт — это прежде всего лоции для дрейфов, но в то же время

* То есть не только физические ландшафты, но и пейзажи чувств. Карта Страны Нежности — знаменитое приложение к роману Мадлен де Скюдери «Клелия, римская история» (1654–1660).

и выражения нового видения пейзажа — если угодно, современные аналоги живописи Коро и Тёрнера. Пока это видение еще очень примитивно, однако его магически окрашенная субъективность должна постепенно уступить место коллективному сбору объективных данных, которые позволят оказать *конструктивную реакцию* на созданную для нас обстановку. Хотя нам еще не удалось — по причине недостатка средств — выработать удовлетворительное психогеографическое представление о городе, прогресс в этой картографии несомненен. Критерий истины, на котором она основывается, узаконивает все то, что, с точки зрения, ограниченной здравым смыслом, может показаться деформацией существующей планировки города. В географии полезными деформациями подобного рода были карты Меркатора. Не существует иной реальности и иного реализма, нежели удовлетворение наших желаний.

После публикации части результатов экспериментов, которые провели в Париже, а также в Лондоне группы, образовавшие в июле 1957 года Ситуационистский интернационал, объектом первого всеобъемлющего психогеографического исследования в приложении к урбанизму стала Венеция. Ральф Рамни намеренно выбрал этот город из нескольких зон, одинаково интересных для экспериментов, так как он пробуждает широкий спектр чувств, связанных с самыми устаревшими понятиями классической эстетики. Мы ни в коей мере не стремимся произвести скандал и обращаемся

к Венеции лишь для того, чтобы добиться наиболее наглядного и убедительного контраста. Скандальна, по нашему мнению, скорее уж неповоротливость мира, его тактика промедлений в борьбе с силами, которые в конце концов его изменят. Мы рассчитываем достичь более серьезных результатов, чем простое оскорбление вкусов добропорядочного общества. Для того чтобы создать ситуационистскую атмосферу, первым делом нужно уничтожить все противоречащие ему эмоции. Мы, не привязанные ни к какой определенной стране, любим нашу эпоху, какой бы суровой она ни была. Мы любим ее за то, что из нее можно сделать.

Венеция победила Ральфа Рамни*

Британский ситуационист Ральф Рамни провел начиная с весны 1957 года несколько психогеографических осмотров Венеции, а затем поставил себе целью систематическое исследование этого крупного города, надеясь представить развернутый отчет о нем примерно к июню 1958 года (см. анонс в 29-м номере журнала *Potlatch*). Сначала дело развивалось вполне успешно. Рамни удалось составить в первом приближении план Венеции, превосходящий по технике условных обозначений все предыдущие опыты в психогеографической картографии. Он поделился с товарищами своими открытиями, первыми выводами и планами на будущее. Но в январе 1958 года до нас дошли дурные вести. Под натиском бесчисленных трудностей, все более сковываемый средой, которую он пытался преодолеть, Рамни начал отступать от намеченных линий своего исследования и в конце концов, как явствует из его взволнованного сообщения от 20 марта, пришел в исходное, чисто статичное, положение.

Потери, которые несли на пути к познанию объективной географии исследователи прошлого, были весьма велики. Вполне ожидаемы и жертвы со стороны новых искателей — исследователей социального пространства и способов его использования. Их подстерегают другие ловушки, но и цель их

* Первая публикация — журнал *Internationale situationniste*, № 1, июнь 1958.

совсем другая: они стремятся вернуть жизни чувственное наполнение, а потому, естественно, всюду встречают преграды, сооруженные миром скуки. Рамни пропал, и его отец пока даже не приступил к розыску сына. Венецианские джунгли оказались сильнее, они поглотили полного жизни и надежд молодого человека, который теперь теряется, растворяется среди вороха наших воспоминаний.

Экология, психогеография и преобразование человеческой среды*

1

Психогеография — это игровая сторона современного урбанизма. Через игровое понимание городской среды мы прокладываем пути непрерывного строительства будущего. Если угодно, психогеография — это своего рода «научная фантастика», но такая, которая разворачивается во фрагменте текущей жизни и предназначает все свои идеи к практической реализации, непосредственно адресованной нам. Мы хотим, чтобы проекты такой научной фантастики затрагивали, вводили в поле эксперимента все стороны жизни (в отличие от литературной научной фантастики или вдохновляемой ею псевдофилософской болтовни — чисто воображаемого, религиозного заглядывания в будущее, недоступное настолько, что оно оторвано от нашего реального мира не меньше, чем прежде — понятие рая; я не говорю здесь о положительных сторонах научной фантастики в качестве, например, свидетельства о мире сверхвысоких скоростей).

* Под этой рукописью (опубликованной посмертно) значится: «Заметки, отправленные Констану не позднее весны 59 года». Констан Нивенхёйс (1920–2005) — нидерландский художник и поэт, видный деятель ситуационистского движения.

Как отличить психогеографию от смежных понятий, неотделимых от нее в рамках ситуационистской игры всерьез, — от понятий унитарного урбанизма и дрейфа?

Унитарный урбанизм можно определить как теорию строительства масштабной обстановки — теорию, находящуюся в процессе разработки. Таким образом, унитарный урбанизм обладает реальным существованием в качестве теоретической гипотезы, отчасти истинной, а отчасти ложной (то есть ожидающей проверки на практике).

Дрейф — это форма экспериментального поведения. Он тоже обладает реальным существованием, так как опыты дрейфа действительно имели место, определяя стиль жизни нескольких людей на протяжении недель или месяцев. Именно практика дрейфа привела к появлению и развитию термина «психогеография». Можно сказать, что минимум реальности, соответствующий прилагательному «психогеографическое» (возникшему произвольно, в техническом словаре или жаргоне группы), составляют те стороны жизни, которые специфически свойственны поведению во время дрейфа, исторически датированному и обоснованному.

Менее определённая реальность самой психогеографии, ее соответствие некоей практической истине. Скорее, она представляет собой

одну из точек зрения на реальность (точнее, на новые реалии жизни в городской цивилизации). Но эпоха интерпретирующих точек зрения уже прошла. Может ли психогеография стать научной дисциплиной или, что более вероятно, объективным методом наблюдения-преобразования городской среды? Пока на смену психогеографии не придет более сложная и разработанная экспериментальная техника, нам нужно считаться с нею как с гипотезой, играющей необходимую роль в диалектике обстановки и поведения (которая служит зоной методического взаимодействия между унитарным урбанизмом и его использованием).

3

Как временный метод, которым мы пользуемся, психогеография — это, во-первых, очерчивание специфической области рефлексии и деятельности, *комплекса проблем*; во-вторых, изучение условий и законов этого комплекса; и, в-третьих, поиск эффективных способов его изменения.

Эти общие замечания также относятся, например, к экологии человека, «комплекс проблем» которой — поведение коллектива в его социальном пространстве — напрямую соприкасается с проблемами психогеографии. Мы, таким образом, видим отличия между двумя этими дисциплинами, точки их расхождения.

Экология, занимающаяся проблемами обитания, стремится очертить в системе города социальное пространство досуга (или, действуя иногда с большей строгостью, урбанистическо-символическое пространство, которое выражает и зримо упорядочивает твердую структуру общества). Однако экология никогда не берется оценивать содержание досуга, его обновление и его смысл. Формы досуга являются, с ее точки зрения, инородными урбанизму. Мы, напротив, считаем, что урбанизм определяет досуг наряду с прочим, является, собственно, его целью. Мы связываем урбанизм с новой идеей досуга, так как рассматриваем все проблемы преобразования мира в единстве. Революция, с нашей точки зрения, может быть только всеобъемлющей.

Экология подразделяет городскую ткань на мелкие единицы, которые отчасти являются единицами практической жизни (жилье, торговля), а отчасти — атмосферными единицами или зонами. При этом она всегда исходит из идеи населения, прикрепленного к своему кварталу: люди якобы базируются, укореняются в одном месте, пусть и покидая его время от времени для работы или каких-либо развлечений. Этим определяется их пред-

ставление о своем квартале, о соседних кварталах и об остальной — большей — части города, остающейся для них в буквальном смысле *terra incognita* (см. составленные Шомбаром де Ловом планы перемещений девушки из XVI округа и связей, поддерживаемых рабочей семьей из XIII округа).

Психогеография исходит из идеи перехода. Ее поле — это вся совокупность городской агломерации. Ее наблюдатель-наблюдаемый — это прохожий (в предельном случае — тот, кто систематически практикует дрейфы). Таким образом, линии раскроя городской ткани в психогеографии и экологии иногда совпадают (в главных разграничениях — таких, как территории заводов, железнодорожные пути и т. п.), а иногда не совпадают (главным образом в путях общения, связей между зонами). Психогеография не уделяет особого внимания утилитарным связям, но изучает связи, основанные на притягательности атмосфер.

6

Для экологии центры притяжения определяют утилитарными потребностями (магазины) или основными формами досуга (кинотеатры, стадионы и т. п.). Центры притяжения психогеографии — подсознательные реалии, проявляющиеся в урбанизме. Именно от этого опыта следует отталкиваться при сознательном устройстве точек притяжения в рамках унитарного урбанизма.

Практикуемое в экологии анкетирование, едва касаясь городских атмосфер, тонет в неадекватном языке, точно в зыбучих песках. Причина здесь в том, что опрашиваемое население имеет смутное представление о влиянии этого фактора и не имеет средств для того, чтобы его описать. От экологов здесь не приходится ждать никакой помощи, поскольку они не располагают интеллектуальным орудием, способным внести ясность в эту область, научного подхода к которой они не выработали. Возможностями же литературного описания, которое, впрочем, существенно искажало бы суть (хотя в современной прозе изредка встречаются обращения к этому вопросу), люди, естественно, не обладают. Описанную ситуацию ярко проиллюстрировало французское телевидение в январе 1959 года. В программе «В поисках французов»*, посвященной условиям жизни в квартале вокруг улицы Муффтар, несколько местных жителей и эколог, приглашенные в студию, убеждали всех в том, что Муффтар — средоточие трущоб и заразы, но в то же время прекрасное место для жизни. Никто из них не сумел объяснить, в чем же состоит очарование этого «рассаdnика антисанитарии»; все они как один были против сноса старых домов, реше-

* Эту программу (оригинальное название — *À la découverte des Français*) готовили и вели Жак Крие и Жан-Клод Бержере, а ее научным консультантом выступал Анри Шомбар де Лов.

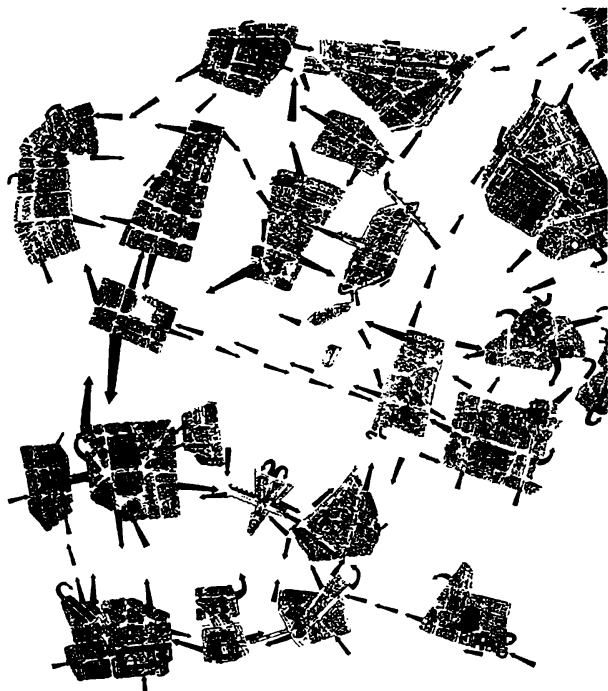
ние о котором уже приняла парижская мэрия, но не могли предложить никаких путей разрешения противоречий.

В этой области нужны практики-теоретики нового типа, которые смогут говорить о факторах, влияющих на развитие города, и предлагать способы их преобразования.

8

Проводя различие между жильем — в современном узком смысле этого слова — и средой в целом, психогеография вводит понятие нежилой атмосферы (пригодной для игры, для перемещения, для создания необходимых в эмоционально богатом городском комплексе контрастов): тем самым многообразие атмосфер, создаваемых архитектурой, обособляется от понятия жилищного строительства. Экология остается пленницей концепции жилья и мира труда (то есть урбанизма, определенного на конференции в *Academie van Bouwkunst** как «организация зданий и пространств согласно принципам эстетики и полезности»). Усматривая в досуге проявление свободной жизни, экология на самом деле видит лишь псевдосвободу досуга — суррогат, необходимый миру труда.

* В апреле 1959 года голландская секция Ситуационистского интернационала провела в амстердамской Академии архитектуры (*Academie van Bouwkunst*) конференцию по унитарному урбанизму, материалы которой распространялись в виде магнитофонных записей.

Ги Дебор

Психогеографический путеводитель
по Парижу. 1957

Буклет. 60 × 73,5 см

Использованы вырезки из «Плана
Парижа с высоты птичьего полета»
(художник Жорж Пельтье, издательство
«Blondel La Rougerie», 1951)

Рассмотрение общества с точки зрения рабочего времени крайне обедняет временные расписания, с которыми имеет дело экология (в основном, эти расписания сводятся для нее к чередованию моментов массового перемещения трудящихся и промежутков между ними). Психогеография, напротив, рассматривает каждую атмосферную зону с учетом всех ее изменений в течение суток и даже с учетом климатических колебаний (сезонных явлений, гроз и т. п.). Также психогеография должна принимать во внимание характер освещения (естественное/искусственное) и *динамику активности населения во времени*, даже в те периоды суток, когда число активных жителей снижается до минимума.

Экология игнорирует, а психогеография, наоборот, заостряет вопросы соприсутствия различных групп населения в одной зоне города. Ведь иногда человеческая атмосфера зоны определяется крайне незначительной частью ее населения. Возьмем в качестве примера квартал Сен-Жермен-де-Пре на рубеже 1940–1950-х годов, совершенно буржуазный или мелкобуржуазный в архитектурном, экологическом и социальном плане (и очень религиозно организованный). Этот «настоящий» Сен-Жермен-де-Пре был практически незаметен в том, что касается атмосферы и образа жизни, за уличной активностью, которую

могли определять от пятидесяти до ста индивидов и несколько кафе, тогда как жители домов никак в ней не участвовали. Объективный характер этого факта подтверждается тем, что квартал стал точкой притяжения туристов со всего мира. Отсюда видно, насколько частичны и односторонни попытки понять городскую зону путем изучения только ее населения. Куда интереснее изучать, что привлекает в то или иное место людей, живущих совсем не там.

11

Экология берется исследовать реальность сегодняшнего города, чтобы предложить исходя из полученных результатов реформы, которые позволят гармонизировать существующую городскую среду. Психогеография, имеющая значение лишь как часть общей переработки всех ценностей современной жизни, становится на путь коренного преобразования городской среды. Исследование «психогеографической реальности города» — это не более чем отправной пункт создания нами для себя более достойных условий жизни.

Ситуационистские тезисы о дорожном движении*

1

Общим недостатком всех урбанистов является то, что они рассматривают личный автомобиль (и его суррогаты вроде мотоцикла) прежде всего как средство передвижения. Между тем автомобиль — это главное материальное воплощение концепции счастья, которую насаждает в обществе развитой капитализм. Автомобиль как высшее благо отчужденной жизни и вместе с тем как основной продукт капиталистического рынка находится в центре глобальной пропаганды: в этом году сплошь и рядом говорят, что экономическое процветание американцев будет зависеть от успеха лозунга «Одна семья — два автомобиля».

2

Время, проводимое в транспорте, как точно подметил Ле Корбюзье, представляет собой прибавочный труд, уменьшающий продолжительность «свободного» времени.

* Первая публикация — журнал *Internationale situationniste*, № 3, декабрь 1959.

От движения как придатка труда нам следует перейти к движению как удовольствию.

Стремление приспособить архитектуру к массовому и паразитическому ныне существованию личных автомобилей — это резко расходящееся с реальностью искажение истинных проблем. Архитектуру нужно приспособлять ко всему движению общества, заодно критикуя все преходящие ценности, связанные с исторически обреченными формами общественных отношений (первая из которых — семья).

Даже допуская на некое переходное время четкое деление города на зоны труда и проживания, все равно нужно, по меньшей мере, предусматривать наличие третьей зоны — зоны самой жизни (свободы, досуга и жизненной правды). Унитарный урбанизм, как известно, не предполагает границ: он стремится формировать человеческую среду как всеобъемлющее единство, в котором подразделения типа работа/досуг или коллективное/приватное рано или поздно исчезнут. А до того, как этот план осуществится, программой-минимум унитарного урбанизма является создание игровой территории, которая включит в себя все же-

лаемые сооружения. Сложность организации старого города найдет в этой территории новое воплощение.

6

Не следует бороться с автомобилями как с неким злом. До крайности накапливаясь в городах, они и так теряют свою функциональность. Разумеется, урбанизм не должен пренебрегать значением автомобиля, но он тем более не должен видеть в нем свою центральную проблему. Он должен исходить из неизбежной гибели автомобиля. Во всяком случае, можно предвидеть запрет автомобильного движения в некоторых новых комплексах и в исторических центрах некоторых старых городов.

7

Те, кто считает автомобиль вечным, не принимают во внимание, хотя бы с чисто технической точки зрения, другие виды транспорта будущего. А между тем вполне возможно, что менее чем через двадцать лет получат широкое распространение, скажем, некоторые модели личных вертолетов, с которыми сейчас экспериментирует армия США.

8

Нарушение диалектики человеческой среды ради автомобилей (в Париже планируется прокладка

автострад, которая потребует снести тысячи домов, и это при неуклонном обострении жилищного кризиса) маскирует свою иррациональность псевдопрактическими оправданиями. Но его истинная практическая необходимость связана с состоянием общества. Уверенные в том, что автомобильная проблема в ее нынешнем виде будет существовать постоянно, на самом деле хотят верить в постоянство нынешнего общества.

9

Революционные урбанисты не могут заниматься одним лишь движением вещей и — вместе с ними — людей, неспособных двигаться в этом вещном мире самостоятельно. Их цель — разбить эти топологические оковы, придумав территории, где люди смогут двигаться по настоящей жизни.

“Психогеография — это игровая сторона современного урбанизма. Через игровое понимание городской среды мы прокладываем пути непрерывного строительства будущего. Если угодно, психогеография — это своего рода «научная фантастика», но такая, которая разворачивается во фрагменте текущей жизни и предназначает все свои идеи к практической реализации, непосредственно адресованной нам. Мы хотим, чтобы проекты такой научной фантастики затрагивали, вводили в поле эксперимента все стороны жизни,,”.

GARAGE

*Ad***M***arginem*

www.garagemca.org

www.admarginem.ru